

Глеб Соколов

Ужасы перистальтики

Глеб Соколов

Ужасы перистальтики

«Автор»

Соколов Г. С.

Ужасы перистальтики / Г. С. Соколов — «Автор»,

© Соколов Г. С.

© Автор

Содержание

1	5
2	14
3	15
4	17
5	21
6	27
7	33
8	35
9	42
10	46
Конец ознакомительного фрагмента.	47

Глеб Соколов
Ужасы перистальтики
Роман
copyright©Соколов Глеб
Станиславович Все права защищены

1

Он открыл глаза. В первое мгновение не сообразил, что происходит, но тут же вскочил на кровати. Тишина!.. Его охватило дикое нервное напряжение – он проспал!.. Будильник молча стоял на своем месте. Проспал именно в тот раз, когда проспать нельзя было ни в коем случае. Он вскочил с кровати, подскочил к стулу, на который был брошен его халат, схватил халат, начал одевать, тут же сообразил, что не халат надо одевать, а рубашку, галстук, костюм. Вслед за этим подумал, что надо хотя бы почистить зубы – кинулся чистить зубы. Дверь ванной комнаты ребром была направлена прямо навстречу ему. С размаху ударился головой, сдавленно вскрикнул и схватился за лицо, – удар пришелся по лбу, носу, губам. Он понял, что с разбитым лицом... Надо придумать оправдание тому, что он так ужасно опоздает в такой момент, используя как-то это разбитое лицо!.. Какая чушь лезла в голову!.. Он еще не проснулся...

Он был у зеркала: следов удара не особенно много – в сущности, кроме красноты на лбу не было ничего. Он открыл воду, выдавил на щетку пасту из тюбика и принялся чистить зубы... Почистив зубы, в ужасной спешке оделся: особенно с трудом дались зимние вещи – молния у куртки никак не соединялась.

Он носил вокруг шеи длинный белый шарф, который никак не удавалось замотать, как того требовалось. Шарф наматывался то выше, чем надо, то ниже, сворачивался жгутом... Вкривь и вкось, совершенно не закрывая низ шеи и грудь! Ноги не лезли в тяжелые зимние ботинки – мешали туго затянутые шнурки, – накануне он с усилием, не ослабив шнуровки, стащил ботинки с ноги... Наконец, он неловкими движениями злясь и нервничая ослабил шнурки и затем долго не мог как надо зашнуровать ботинки... Все же он вышел из квартиры, запер дверь, спустился на лифте вниз...

Он шел к станции метро, навстречу попадались люди, которых часто встречал по утрам – вот как этого дядьку и эту тетку!.. Он уже совсем рядом со станцией...

Он был в плотной толпе, которая медленно двигалась к дверям метро, за которыми были уже турникеты и спуск на платформу. Все прозрачные двери раскрыты и ни одна из них ни на мгновение не закрывалась, – люди в них проходили непрерывной вереницей. С боков поджимали, перед ним, прямо перед его лицом была спина высоченного мужика в темно-коричневой дубленке, сзади кто-то все время чем-то слегка приударял ему по ногам, – кажется, каким-то пакетом. У самых дверей перед ним влезла какая-то женщина, он вынужден был замедлиться, замяться и тут же сзади ему наступили на ногу. Он ужасно нервничал – скорей! Скорей попасть на работу! Но двигаться хоть сколько-нибудь быстрее не было никакой возможности.

Наконец-то! Он был у турникета и пропустив через него свой проездной билет быстро прошел к лестнице на платформу. Разумеется, все люди, которые только что давились у дверей, были здесь... Все нервно ожидали поезда. По утрам на «-ской» всегда было много народа и в поезд приходилось вталкиваться, а не входить, но сегодня отчего-то было особенно людно... Странно, он вроде бы и проспал и вышел позже, следовательно, народа должно быть уже

поменьше... Впрочем, все-то как раз выходят из дома немного позже его, так что как раз через некоторое время после того, как он уезжает с «-ской» и начинается особая давка. Поезда не было... Он занервничал еще больше. Остановившись, он через некоторое время обратил внимание, что тот самый высоченный мужик в темно-коричневой дубленке, за которым он входил на станцию, стоит здесь... Артем прошел метров на десять дальше по платформе. Здесь народа было ничуть не меньше: какие-то бабы, студенты с отвисшими за спиной рюкзаками, – а может быть они были еще и не студентами, а школьниками? – мужики с газетами...

Поезда все не было, народа собиралось все больше и больше.

«Ах, черт!» – он вспомнил, что забыл дома документы, которые накануне принес с работы. Это были очень важные документы – вернее копии документов, которые он сделал специально для себя, как рабочий вариант. Сейчас на том совещании, на которое он теперь очень сильно опоздает, без этих копий ему будет очень некомфортно...

С противоположной стороны платформы с грохотом подъехал поезд. Сквозь окна видно – народа в вагонах мало. Немногочисленные пассажиры вышли на платформу, еще меньше вошло... «Счастливики!» Двери с шумом захлопнулись, поезд тронулся и с грохотом и свистом ушел в тоннель.

Из «их» тоннеля забила широкая струя воздуха, послышался какой-то дальний грохот, шум, но поезда видно не было. «Скорей! Скорей!» – несло у него в голове.

«Черт! Что же я не взял такси!» – подумал он вдруг. И тут же себе ответил: «Да потому что на такси никуда сейчас не уедешь». Огромная пробка обычно начиналась еще где-то за «-ской». На метро утром было дольше, чем на машине. Это он знал наверняка!.. Но поезда не было!..

– Что-то случилось! – сказала негромко стоявшая рядом с ним тетка ни к кому не обращаясь – сама себе. Она посмотрела по сторонам и пошла куда-то дальше по перрону.

«Черт! Какая ерунда! Почему именно сегодня, когда проспал, обязательно должно было что-то случиться?! Почему нет поезда?!»

Из тоннеля опять пошел широкий вал воздуха, опять где-то там, в самой глубине жерла что-то зашумело, но быстро все стихло. Поезда все не было. Вдруг послышался обнадеживавший грохот и следом за ним на противоположный путь опять въехал поезд. Опять та же самая история – мало народа в вагонах, немногие вышли, еще меньше вошло...

Опять послышался далекий гул, который теперь был отчетлив и совершенно явственно усиливался. Народ на платформе зашевелился, задвигался, заподвигался ближе к краю. «Поезд!» – понял он, но приближаться к краю не стал, – у него была своя тактика...

Он поджидал, пока подойдет поезд, стоя чуть поодаль. Граждане старались встать к краю платформы как можно ближе, некоторые кучковались там, где, предполагали, окажутся двери. Тактика Замелькацкого основана на простом наблюдении: как ни старались граждане угадать, возле какого места откроются двери, удавалось не всем. Вдоль поезда к открывшейся двери быстро не переместиться, перед носом – другие граждане, а перед теми тоже кто-то стоит... Артем нарочно останавливался на некотором расстоянии от края, видел картину как на ладони, мог подскочить к открывшимся дверям и оказаться возле них ровно за теми, первыми, кто умудрился угадать...

Но на этот раз никакая тактика не помогала – народа было так много, что даже тех, кто угадал, было столько, что они уместиться в вагон, и без того уже битком набитый, не могли никак. Но тут опять-таки ему помог один момент, предугадать который заранее было невозможно: едва поезд открыл двери и из вагона никто не вышел, стоявшие на платформе опешили – народ в вагонах был набит так плотно, что впечатление было такое, что в этот поезд влезть уже невозможно никому даже при самом сильном желании. Несколько мгновений никто не двигался.

Замелькацкого же охватило отчаяние – он понимал, что опаздывает все сильнее и сильнее, – он ринулся к вагону, оттолкнул кого-то и едва ли не первым врезался в плотно сбитую массу людей, стоявших в вагоне у двери. Вместе с ним хлынули и остальные, толпа в мгновение задвинула его на целый метр вглубь вагона, войти в который еще несколько мгновений назад казалось просто невозможным. Двери начали закрываться – естественно, сразу они не закрылись, кто-то вынужден был выйти, а вернее вывалиться из вагона обратно на платформу.

Наконец, двери сощелкнулись. Поезд тронулся. Вот он начал разгоняться, ушел со станции в тоннель, сжатый со всех сторон Артем увидел, как замелькали за стеклами противоположных дверей какие-то тоннельные фонари, разогнавшийся поезд начал сбавлять ход, пошел медленнее, еще медленнее, начал со скрежетом и каким-то противным присвистыванием тормозить и наконец остановился. За окнами была тоннельная чернота. Кто-то рядом с Артемом, – он не видел, кто, – громко вздохнул. Поезд не двигался... В животе у Замелькацкого что-то пришло в движение... Он еще не успел осознать этого, как поезд дернулся, опять встал, зашипел, опять дернулся и медленно двинулся дальше. В этом медленном движении прошло несколько томительных минут, – поезд не останавливался но и не начинал разгоняться. Потом поезд остановился.

Замелькацкий понял, что это конец. Его опоздание становилось все ужасней и ужасней. Если бы он просто вышел из дома значительно позже положенного времени – это было бы одно: он бы сильно опоздал к началу совещания, но он все же прибыл бы на работу в то время, когда бы оно еще шло. Теперь же, с таким медленным движением поезда, он мог появиться в офисе уже тогда, когда совещание уже закончится и все разойдутся. Что он будет делать и говорить тогда?..

Он задергался, собираясь достать из кармана мобильный телефон, но пошевелиться он мог едва-едва... Да и потом, – это он тут же сообразил, – в данную минуту звонить рано, в офисе еще никого нет. Он конечно может позвонить на мобильный, но доступен ли телефон Смирнова, которому он будет звонить. Да и что он скажет?! Что опаздывает?!.. Да это и так понятно! А почему?! Потому что проспал! Хорош работник! – вот какое резюме будет на его счет выведено. Надо придумать что-то экстраординарное, что-то, что будет признано всеми как безусловно уважительная причина неявки. Но что?! Что можно придумать?!.. Взорвали бомбу? Взорвали поезд? Черт, что же можно придумать?!

Поезд тронулся и набирая скорость пошел по тоннелю. Он испытал какое-то облегчение. На какие-то мгновения все мысли просто испарились куда-то из его головы. Поезд едет!.. Это было такое удовольствие! Хоть он и был зажат со всех сторон людьми...

Поезд начал тормозить и вскоре остановился. Ничего особенного в этой остановке по сравнению с предыдущей не было, но он вдруг как-то совершенно уверенно почувствовал, что эта остановка будет долгой... Очень долгой!

Его охватила дикая паника, внутри все словно бы сдавило, он перестал дышать – вырваться, выйти, исчезнуть из этого поезда! Это необходимо было немедленно! Он задергался, заелозил, все это, впрочем, стоя на одном месте – те, кто были рядом, с тревогой уставились на него, но без удивления. Все тоже весьма нехорошо чувствовали себя в этом остановившемся в тоннеле поезде. Его поведение никого не удивляло здесь. Просто они видимо посчитали его самым слабым, сломавшимся и не выдержавшим раньше других. И тут – он так и думал, что это произойдет: у него скрутило живот.

Живот скрутило ужасно... Он прекрасно понимал, чем это закончится в следующую минуту. «Это – полный конец!» – подумал он. Ну что ж... «В конце-концов, это даже хорошо, что так случилось... Нет худа без добра... Если бы это не произошло, он бы наверняка добрался бы без особых сложностей до работы, опоздал бы, конечно, опоздал бы сильно, но не так, чтобы совсем не придти, были бы неприятности... А так он не придет вообще. В иных случаях лучше

уж вообще не приходиться. Сочинит невероятную историю про то, что с ним что-то такое невероятное случилось... В невероятные-то истории все обычно и верят охотнее всего...

Как это ни странно, как только он успокоился и смирился со своей судьбой, живот отпустило... Впрочем, почему же странно?! Как раз это вполне естественно...

Поезд тронулся и начал набирать ход: быстрее, быстрее... Но до обычной, регулярной скорости он не дошел и начал тормозить, стоявшие дальше к хвосту состава пассажиры начали давить на Артема. Замелькацкий на них-то уже не обращал внимания: обычно он злился, когда кто-то толкался или наступал ему на ногу. Теперь ему было плевать – все, что происходило вокруг было сейчас важно для него лишь в той степени, в которой это влияло на то, что происходило внутри его живота... Поезд заскрипел и зашипел в последний раз и замер.

Пока он чувствовал себя вполне сносно. Боже, да когда же они доберутся до следующей станции!.. Начало опять становиться тяжелее... Тяжелее, тяжелее – стремительно состояние его приближалось к критическому. „Сейчас станет легче, вот сейчас станет легче!“ – убеждал себя он. Ведь он знал, что так должно произойти – должно стать легче. Так всегда бывало!..

Поезд дернулся, замер, опять дернулся и начал набирать ход, опять все быстрее и быстрее. Замелькали за окнами какие-то лампы, семафоры. „Значит, близко к станции...“ – с надеждой подумал он. Опять, как только он отвлекся на эту мысль, ему стало легче, легчало так же стремительно, как двигался сейчас поезд, – он уже достиг обычной, регулярной хорошей скорости. Но приближения станции что-то все никак не чувствовалось, поезд понемножку все больше разгонялся, хотя должен был тормозить. „Вот сейчас, сейчас!“ – подбадривал себя Артем.

О-па! Поезд начал сбавлять ход – как-то очень хорошо сбавлять, придавая уверенность – плавно, заранее, как он всегда делал перед станцией.

– Вы выходите?.. – бросил он куда-то никому, назад к двери.

Никто ему ничего не ответил и в этот момент поезд – это было слышно по изменившемуся гулу, – своими первыми вагонами начал выкатываться на станцию. Точно: станция!..

Тормозивший поезд остановился, двери раскрылись... И тут произошла странная вещь – Артем не вышел, даже не попытался выйти из вагона, и никто не вышел, все, значит, ехали дальше. На станции, разумеется, было полно народа. В вагон тут же начали пытаться влезть новые пассажиры, – тетки лезть даже не пытались, – умялись, утрамбовались какой-то здоровый дядька и пара молодых парней... Двери начали закрываться, – никак... Последовало обычное „Не держите двери!“

„Что же я наделал!“ – с ужасом подумал Замелькацкий...

Все! Двери позади него закрылись, сейчас где-то там, в каком-то из вагонов состава наконец-то закроются двери, в которых зажало кого-нибудь или чью-то сумку и поезд тронется. Так и есть: поезд через несколько ужасных мгновений тронулся.

Стоявшие рядом с Замелькацким пассажиры нет-нет да и поглядывали на него. Видимо, он пугал их... Боже, да ведь все не так просто!.. Следующий перегон – на этой ветке из самых длинных... Пока он чувствовал себя вполне сносно, но произойди что, – каково будет тем, кто стоит с ним рядом?! Впрочем, он даже не мог себе представить, как это все произойдет и как это все будет выглядеть... Но у него будут проблемы и другого толка...

Поезд уже набрал ход и шел достаточно быстро, не останавливаясь. Он по-прежнему достаточно сносно себя чувствовал, но вот опять начало постепенно становиться хуже и хуже. „Нет, все, это невозможно будет вытерпеть! Стоит поезду еще хоть на мгновение остановиться, хотя бы продемонстрировать какое-то неуверенное движение и он не вытерпит!“ Его бросило в холодный пот, он смотрел в какую-то точку в прямоугольнике рекламного объявления над противоположными дверями. Поезд все шел и шел...

Ему неожиданно стало легче... Поезд прибавил скорости, так на хорошей скорости он шел какое-то время и вот он начал как-то очень приятно, как-то очень уверенно замедляться

– это означало – станция!.. Замелькацкий постарался насколько мог повернуться к стоявшему за ним человеку и спросил:

– Вы выходите сейчас?..

Уже спрашивая он чувствовал, что происходит нечто неприятное и непредвиденное – поезд замедлялся все больше, а приятного изменения шума, который бы означал, что головные вагоны уже ворвались на станцию, все не было и не было.

– Нет! – как-то выпалил очень зло и раздраженно этот человек и практически одновременно с этим с шипением и скрежетом поезд остановился окончательно.

Замелькацкий замер. Опять ему начало становиться хуже. Хуже и хуже. Поезд стоял, в вагоне была полная тишина, ниоткуда не доносилось ни звука.

– Давайте-ка сейчас с вами поменяемся... А потом уже поздно будет! – суетливо задержавшись проговорил Замелькацкий, опять обернувшись к стоявшему за ним человеку. Его ужасной волной охватывала паника.

Человек не двигался с места и ничего не говорил, спокойно глядя на Замелькацкого.

– Давайте поменяемся! – еще раз проговорил Замелькацкий и суетливо зачастил:

– Сейчас пока поезд стоит надо поменяться... Потом начнет дергать, будет тяжело...

Человек, видимо, хотел было что-то возразить, но определенный смысл и некоторая логика в словах Замелькацкого были, поэтому он в последний момент передумал, ничего не сказал и действительно сделал какое-то неловкое движение – дернулся, словно давая этим понять, что он готов поменяться местами.

– Давайте, давайте, надо скорее... Сейчас поедет! – продолжал частить Замелькацкий.

Все вокруг как-то задергались, дернулся и стоявший у него за спиной человек, но народ в вагоне был спрессован настолько плотно, что сдвинуться с места или сдвинуть кого-нибудь с места можно было только приложив невероятные усилия.

Замелькацкий чувствовал, что он производит странное впечатление, что на него смотрят странно, но именно впечатление от этого собственного унижения и отвлекало его, пусть таким мрачным способом и ему становилось легче.

– Давайте, давайте!.. – продолжал он, чувствуя, что отпускает, что становится значительно легче.

Он сам на самом деле не двигался и не пытался никуда пройти, а только как-то дергался. Всеми в тайне из-за того что поезд стоял владело сильнейшее напряжение. Это его шевеление должно было нравиться всем, – оно хоть как-то разгоняло гнетущую тишину, но вдруг:

– Да перестаньте вы! – вскрикнула какая-то молодая женщина. – Здесь невозможно никуда подвинуться. Будет станция, вас выпустят! Если мы вообще когда-нибудь доедем... Надоели уже!

Она кричала очень нервно!.. Нервно, зло!..

Замелькацкого отпустило. Он вдруг перестал дергаться, замер. Да, ему точно стало легче... Поезд тронулся и начал набирать скорость, буквально через несколько мгновений шум, с которым двигался состав, очень характерно изменился – головные вагоны уже бежали вдоль платформы станции.

Прошли секунды и их вагон тоже выкатился к платформе...

Он не очень хорошо помнил, как он протолкался к двери, ничего не соображая наступил на ноги дядьке, рвавшемуся в вагон, оттолкнул его, столкнулся еще с кем-то из штурмовавших вагон... Вот он, наконец, оказался на свободном пространстве. Поезд все еще стоял на станции, двери были открыты. Ему казалось, что на него смотрят, что его провожают взглядами, хотя, скорее всего, под натиском новых пассажиров тем, кто был сейчас в вагоне было совсем не до него. Чтобы избежать этих мнившихся ему взглядов, он пошел вдоль по платформе. Что ему теперь делать?..

Вся проблема его неожиданно прошла, улетучилась, испарилась... Подойдя к колонне, он встал возле нее... Проблема опять начала его беспокоить... В этот момент с противоположной стороны платформы на станцию въезжал поезд. Замелькацкий не стал дожидаться, когда ему станет еще хуже и быстрым шагом пошел к противоположному краю.

Когда поезд остановился и открыл двери, из вагонов вышло достаточно много народа. Замелькацкий вошел в вагон. Были свободные места, но садиться он не стал. Ему показалось, что стоя ему все же будет легче вынести свое положение. Двери закрылись, поезд тронулся... Ему становилось хуже, еще когда он шел по платформе, теперь же, в вагоне, состояние его только усугубилось. Но теперь он как-то не очень боялся того, что может произойти. Прислонившись плечом к двери он смотрел вниз – туда, где внизу у вагона вились линии проводов, никто не него не обращал внимания, он терпел, становилось все хуже, но терпел как-то равнодушно, прежней паники не было... Вот пик был пройден и стало отпускать, поезд въехал на станцию. Из вагона вышло еще несколько человек. Рядом с ним освободилось место. Он настолько осмелел, что подошел и осторожно сел на диванчик. Двери к этому времени уже закрылись, поезд тронулся. Следующая станция была его... В животе что-то такое продолжало происходить, но этот последний, четвертый за сегодняшнее утро перегон он проехал без прежних отчаянных атак – он ехал к дому, он был уже почти у дома и видимо то, что мучило его, чувствовало – здесь, на последнем перегоне уже невозможно нанести ему серьезный урон, даже в самом... В самом последнем и крайнем случае он выкрутится, вывернется – даже если это и произойдет, он как-нибудь да дойдет в таком положении до дома!.. Да, он дойдет!..

С того момента, когда он влез в поезд, чтобы ехать на работу, прошло, должно быть, меньше десяти минут. Но ему показалось, что вошел он в метро тому назад вечность... Поезд подъехал, двери раскрылись, – он вышел обратно на свою станцию. Все вернулось к тому, с чего началось. Со странным чувством он медленно пошел по станции, глядя на толпы взвинченных, нервничающих людей, ожидающих поезда у края платформы – перебой в движении продолжал действовать.

Краем глаза он уловил что-то важное – ах да, часы!.. Над жерлом тоннеля горели электронные часы – в сущности прошло не так много времени, если он прямо сейчас – на станцию выкатился очередной поезд – прямо сейчас поедет обратно, он скорее всего успеет к середине совещания... При мысли о том, что ему, возможно, придется пережить по дороге, неприятный холодок пробежал у него по спине... Нет!.. Он чувствовал, чувствовал свое состояние – не зря он вернулся обратно! – да, напор стал не таким сильным, но лишь потому, что это временное затишье перед новой, окончательной атакой – ведь прошло только десять минут... Да и потом, даже если он доберется до работы – что он там сделает? Кинется в заведение? Конечно, он мог бы воспользоваться каким-нибудь общественным... Да только где такое... Да и потом... Нет, он правильно сделал, что вернулся...

Он сошел с эскалатора. Он прошел к дверям и вышел на улицу... Дурацкое утро! Теперь надо будет придумать, что врать Сергею Васильевичу. Васильич – это был его начальник на фирме.

Господи! Что же такое с ним сегодня происходит?!.. Он остановился... Сзади на него тут же налетела какая-то тетка и наступив ему по очереди на оба задника, обогнула его и, смешно вскидывая ноги и размахивая на ходу дурацкой сумкой, поспешила дальше. Он даже не обратил на нее внимания...

Все очень просто – расстройство желудка – вот что с ним!.. Он торопясь пошел к дому. Идиотизм какой-то, маляра!.. Проспать и потом... Он вспомнил вагон, замирающий на перегоне поезд, себя, спрессованного со всех сторон другими пассажирами и унижительное, невероятное, с которым непонятно что делать ощущение, которое возникало внутри него и... Паника!.. Как приятно, что он вырвался из этого вагона, из этого метро!.. Он пошел быстрее... Сейчас, сейчас... Идти остается совсем немного... Он начал нарочно растравлять себя, при-

поминая, как он сдавленный, зажатый стоял в вагоне и холодный, унижительный пот прошибал его... „Вы выходите?“ Конечно! Как же! Выходят они тебе!.. Там есть куда выйти!.. Сейчас, сейчас! Ты получишь удовольствие!.. Давненько он не переживал, черт возьми, таких острых ощущений!.. Да это же просто какой-то экстрим! Городской экстрим!.. Он все быстрее и быстрее бежал к дому... Здесь-то есть куда бежать, здесь пожалуйста – хоть на все четыре стороны! А вот ты попробуй там, в вагоне! Потерпи, зажатый со всех сторон, как селедка... Нет, там совсем не смешно... Пот прошибает, так невероятно трудно!..»

Он заскочил в чудесную комнатку, закрыл дверь... Ну, отсюда он теперь просто так не уйдет!.. Он должен отыграться за все испытанные муки!..

Артем Замелькацкий работал на фирме, которая занималась информационными технологиями. Последнее время у него были серьезные проблемы с руководством, поэтому сегодня ему очень важно было хорошо показать себя на том совещании, которое было посвящено продажам именно того товара, за который он на их фирме отвечал. И именно сегодня он, как назло, проспал!..

...Сколько прошло времени он не заметил, должно быть довольно много... Он вздрогнул от испуга: забыл!.. Ведь совещание и он на него не явился!..

...Закрывая за собой дверь чудесной комнатки он продолжал судорожно раздумывать над тем, что ему сказать, как объяснить причину того, что он взял и просто не пришел. И именно в этот момент его мобильный телефон заиграл мелодию вызова... Он поспешил в комнату. Схватив со стола телефон, нажал кнопку и поднес его к уху.

– Здравствуйте...

– Здравствуйте... – машинально ответил Замелькацкий, конечно же узнав голос владельца компании, который сам руководил в ней всеми делами, являясь ее директором.

– А вы где?.. – за тоном, за выражением голоса, с каким был задан этот вопрос, Замелькацкий увидел, угадал, как в эту секунду поднялись вверх брови директора, увидел его холодные, дьявольски умные глаза...

– Я... – если бы это просто «я»! Нет, Замелькацкий оказался застигнутым этим звонком врасплох и на свою беду произнес какое-то неуверенное «я-а...» По этому помимо его воли присоединившемуся «а» директор конечно же не мог не понять: он, Замелькацкий судорожно выдумывает, как выкрутиться, что соврать... И теперь после этого «я-а...» что он ни скажет, – все будет лишь более или менее умной ложью...

– У меня что-то с сердцем! – выпалил Замелькацкий. – Я вызвал скорую!.. Не знаю, что случилось... Как раз надо было выходить на работу... Сейчас отпустило. Как раз собирался позвонить вам...

– Понятно... – спокойно сказал директор.

– Сергей Васильевич, – заторопился Замелькацкий, чувствуя что директор сейчас повесит трубку. – Ну как там?

– Что?

– Совещание...

– Да вас вот ждали. А вы не пришли... Мы решили перенести на завтра... Время прежнее...

– Сергей Васильевич, ну извините!.. Ну я же объяснил... Сам не знаю, что произошло. Я вызвал скорую...

– Да... И что?..

– Ну вот...

– Ну ладно... Поправляйтесь...

Директор повесил трубку. Несколько мгновений Замелькацкий держал мобильный телефон в руке, потом положил его обратно на стол. Скверно, однако!.. Хуже и быть не может!.. Вызвал скорую, плохо было так, что даже на работу позвонить не мог, все собрались, как иди-

оты, на совещание, посвященное в сущности его вопросу, а он взял и не пришел, а теперь разговаривал вполне бодрым голосом, только сначала немного растерялся – «я-а...» – а потом ничего – разошелся, вопросы задавать начал – как, мол, там дела?.. Интересно, что подумал директор? Как он объяснил себе неявку Замелькацкого? Должна же у него в голове быть сейчас какая-то, хотя бы приблизительная версия, хотя бы какая-то область догадок... Да уж, скверно! Ему надо было предупредить события: с самого начала позвонить первым...

Сказать: на совещание не приду, бегу обратно домой, скрутило живот!.. Замелькацкий нервно расхохотался. Да уж!..

...Он открыл глаза: темнота окружала его, сквозь расшторенные окна в комнату проникал рассеянный уличный свет, с кухни доносилось задыхающееся астматическое тиканье бабкиного будильника. Больше ни звука ни откуда не доносилось, если бы не будильник, в квартире стояла бы полная тишина...

Что-то странное происходило с ним – он должно быть очень переутомился... Поговорив с Васильичем он прилег на стоявший в его комнате старый диванчик – бог знает, с каких незапамятных времен он здесь стоял, – и тут же отрубился... Утром он проспал совещание... Надо же!.. Какая сонливость!..

Он смотрел на потолок: лепнина в виде гипсовых листьев, окаймлявшая его, была в некоторых местах замазана таким толстым слоем белил, что листья сливались друг с другом. Он переехал сюда меньше недели назад: квартира его бабушки, которая должна была отойти ему. До этого он жил с родителями и сестрой, но у той родился ребенок и в их маленькой квартирке стало шумно и тесно. Должно быть из-за ребенка сестры он и переутомился так сильно... Он встал с дивана и не зажигая света подошел к окну... Склон, поросший старыми парковыми деревьями, спускался вниз, дальше были теннисные корты, потом опять – какое-то подобие плохо ухоженного старого парка, еще дальше – футбольное поле со старыми трибунами, какие-то спортивные площадки, огороженные забором из металлической сетки.

Построенный в сталинское время дом, кажущийся огромным даже и по современным масштабам, стоял на горе, – перед фасадом шла неширокая улочка, тротуар и затем за высокой металлической оградой уступами спускался вниз парк.

Вдалеке – Замелькацкий только угадывал ее – была набережная, дома, еще одна набережная, новый, недавно построенный жилой комплекс на другом берегу реки... И еще дальше – огни, огонечки... Это были отсветы реклам, вывесок на дальней оживленной улице, Замелькацкий пытался представить ее. Наверное сейчас, к концу рабочего дня она уже забита толпами машин. Замелькацкий перевел взгляд ближе: темный парк с редкими, плохо светившимися фонарями... Непонятная, необъяснимая тоска стала вдруг охватывать его... Словно он маленький мальчик и он вдруг оказался на чужой, незнакомой улице и куда-то исчезли его родители и он смотрит вокруг на чужой, незнакомый город. Со странным, болезненным чувством он принялся рассматривать его – словно никогда прежде он не видел его и это первое, неожиданное свидание... Потом он много раз вспоминал это свое ощущение и оно всякий раз казалось ему мистическим и загадочным.

Он опустил глаза. Что это за машина?.. Он вздрогнул и вперился взглядом в автомобиль, подъехавший и остановившийся во дворе – он никогда не видел подобного автомобиля! Это был какой-то новый, совершенно неожиданный, совершенно небывалый прежде дизайн!.. А что это за марка?!.. Даже приблизительно он не мог угадать происхождение этого автомобиля – в какой стране делают такие?!.. Передняя дверь машины открылась и из нее вылез человек, – опять странное, болезненное ощущение ударило Замелькацкого по нервам – куртка и штаны на владельце автомобиля были какого-то невиданного им прежде фасона, по какой-то новой моде, от которой он отстал, о которой прежде не знал ничего...

Со смешанным чувством он отошел от окна... Так наверное чувствовал бы он себя если бы заснул летаргическим сном и очнулся от него в каком-то далеком, неведомом будущем,

которое иначе, без летаргического сна ему никогда не суждено было увидеть, в котором ему не могло быть места, в котором его время должно быть далеким, исчезнувшим прошлым, а сам он... В комнате было темно... А может быть и правда?!.. Он опять вздрогнул, обернулся и подскочил к окну... Машины не было!.. Но подъехал какой-то старый облезлый грузовик – таких он видал предостаточно... Значит, он не в будущем, с ним не случилось летаргического сна и на дворе стоит время именно его жизни! Опять какая-то чушь так же как и сегодняшним утром, лезла ему в голову, Он потер лоб, провел ладонью по глазам, запустил руку в волосы... Что с ним происходит?!.. Что происходит вокруг?!.. Да ничего...

2

Он почувствовал голод. В квартире никого не было... Он медленно вышел в коридор. Тиканье будильника раздавалось здесь гораздо громче, чем в комнате. Вот и кухня... Только теперь он осознал, что не был здесь со вчерашнего вечера: утром он не позавтракал, придя домой, вскорости уснул.

На столе под фаянсовой кружкой – записка.

«Завтрак на плите. Все горячее. Ешь. Поехала в Чухлинку. С приветом. Бабушка PS Буду вечером.»

Подойдя к плите он обнаружил давно застывшую манную кашу. В холодильнике не было ничего, кроме пакетиков с непонятным содержимым... Он отправился к метро – перекусить...

Сначала он заглянул в «Макдональдс»: время было очень неудачным, в конце дня народа было слишком много... Не став ждать, он вышел обратно на улицу и бесцельно побрел вдоль торговых павильонов. В первый раз с тех пор, как переехал, брел здесь вот так... Он еще ничего не знал в этих местах. Взгляд упал на киоск, блестящий прилавком и поручнями из нержавеющей стали. За витриной была металлическая конструкция: в ней, один на другом – чебуреки и несколько видов пирожков.

Тут с ним произошла странная вещь: он не мог объяснить, чем понравился именно этот пирожок – с пузырьками жира и какими-то непонятными темными пятнами. И продавец хотел предложить другой, но Замелькацкий замахал – «Нет, нет!..»

Тогда продавец удивленно вскинул глаза:

– Какой вам?..

– Мне вот тот... – Замелькацкий уже показывал рукой на свой...

– Этот?!.. – продавец, молодой черноволосый парень со смысленным лицом и острыми глазами, явно удивился.

Артём молчал и продавец, сняв другие пирожки с металлического приспособления, вытащил тот единственный, понравившийся Замелькацкому. Принял деньги, отсчитал сдачу и положил ее на стоявшее на прилавке блюдо.

Артём отошел с пирожком в сторону...

Вспомнил утреннюю историю. Лучше бы ему его не есть... Зачем он купил?.. Ерунда, от одного пирожка ничего не будет. Что может быть от одного единственного пирожка?..

...Скомкав промасленную бумагу, он выбросил ее в урну.

...Он уже был рядом с почтой. Вдруг вспомнил: давно хотел подписаться на журнал «Популярная механика», – все как-то не было времени. Почему бы не сходить сейчас?

Он подошел к почте, схватился за дверную ручку и потянул ее на себя, прошел внутрь, поднялся на две мраморные ступени, невероятно стертые и шербоные, скользнул взглядом по плакату, что-то там рекламировавшему и повернул налево.

3

Народа было человека четыре... Он подошел к конторке и встал в очередь за какой-то теткой... Нос его уловил отвратительный запах слишком давно немытого тела. В то же мгновение обратил внимание, что следом за старичком, что-то протягивавшим в окошко, стоит худая испитая бабка, с огромным синяком под глазом, с головой замотанной толстенным серым платком, в невообразимо грязном бежевом клетчатом пальтишке и стоптанных мужских башмаках. Тетка, следующая по очереди за бабкой, стоит от нее примерно в метре или даже в полтора, а вплотную к ней – та тетка, за которой стоит он. И даже до него сильно доносится исходящая от бабки вонь.

– Господи, как же их пускают... – словно отвечая его мыслям проговорила стоявшая перед ним тетка.

Та же, что была перед ней тут же обернулась:

– А как ее не пустишь! Она за пенсией пришла! – проговорила она негромко.

Старичок отошел от окошка и вонючая бабка действительно стала совать паспорт:

– Пенсия... – скрипучим голосом произнесла она, поправляя рукой платок.

Зал почты был очень странен. Высокий, огромный потолок: то, что было под этим потолком, казалось по сравнению с ним несоразмерным, ничтожным. Подходил к потолку только овальный стол – вокруг него вполне могло рассестся человек пятнадцать... Стол был придвинут к витрине, на нем стояли кадки с цветами, валялись справочники, подшивки газет, скомканные почтовые бланки.

– Это еще ладно!.. – по-прежнему негромко, но с выражением продолжала обернувшаяся тетка. – Вон сыну в школе сказали: будьте осторожны... Ничего не слышали?..

– Я-то?.. А что?.. – спросила тетка, стоявшая перед ним.

– Я ж говорю, сыну сказали!.. – словно раздражаясь непонятливостью собеседницы проговорила первая. – В школе!.. В нашем районе появился бомж... Его ловят, но не могут поймать... Все лицо его обезображено огромными наростами... И это заразно! Такая болезнь: обезображивает лицо!.. Детям сказали – увидите, держитесь подальше!.. А то...

– Мне кажется, этого не может быть...

– Да как не может быть?!.. Такие бородавки, знаете, бородавка на бородавке...

– Да кто у нас станет его ловить?! Гос-споди!.. Такие ходят... Вон, наркоман, СПИДом всех заражал... Слышали?!.. Заразил двести человек. А поймали его, когда хотел кровь сдать... Донор!.. Чтоб еще больше заразить!..

– Поймают, будьте уверены! Это очень заразно!.. Сейчас за таких взялись... А вы, кого знаете, всем расскажите – подальше пусть держатся!..

– Да ведь что толку! Он ведь, знаете, может и в магазин зайти, и еще куда-то, и в кафе...

– В магазине, положим, охранник есть...

– Ой, да эти охранники не хотят ни с чем связываться. Лишь бы их самих не трогали...

– Нет-нет, сейчас за них взялись!..

– За кого, за охранников?

– О, господи! Да я ж вам говорю: за бомжей! – раздраженно произнесла тетка. – Что вы в самом деле!.. Вы что, совсем что ли ничего не сообщаете?!..

– Да это потому что вы непонятно объясняете: вы ж про охранника говорили!..

– Да ну вас! – тетка отвернулась.

Бабка по-прежнему торчала у окошка, пытаясь негнувшейся рукой вывести закорючку в ведомости... Прошло еще минут пять прежде чем она наконец, распространяя вокруг себя волны отвратительного запаха, переместилась от прилавка к столу. Наконец, пересчитав деньги, она поковыляла к двери...

– Так вы говорите, даже в школе детей предупредили!..

– Ну конечно! – воскликнула первая, уже стоявшая возле окошка. – Держитесь от него, сказали, подальше!.. Черт знает что!.. До чего дошли!.. Заразный бомж по городу бегает!.. Раньше такого никогда не было! Никогда!..

– Я вам хочу сказать: тоже было! Один раз такой случай был! Я вам хочу сказать...

– Да бросьте вы!.. Раньше такого не было!.. – тетка окончательно отвернулась от нее...

Через пятнадцать минут, держа в руке оплаченную квитанцию, он вышел с почты. Посмотрел по сторонам – улица была пустынна...

Он вернулся в квартиру. Бабки по-прежнему не было... Делать было совершенно нечего. Он начал ходить по просторной, но обветшалой квартире и заглядывать во все ящики и шкафы: ничего интересного, кругом какой-то старый хлам. В одной из тумбочек он нашел небольшую коллекцию игральных карт, выволок их оттуда, некоторое время рассматривал... Карты были заграничные, несколько колод – явно японского происхождения – с гравюрами... Зачем они бабке? Потом вспомнил, что она любила раскладывать пасьянсы... Он начал тасовать колоды и так и эдак... Потом попытался играть сам с собой в подкидного дурака...

– А-а, нашел! – раздалось над ухом.

Выпучив глаза, он вскочил, повалил стул, рассыпал карты... Рядом стояла бабка...

– Как?! Ты!..

– А ты что, разве не знаешь, здесь совсем не слышно, если кто-нибудь входит... В длинном коридоре все звуки гаснут. Да-а, такой дом, понимаешь, старый... Ты поел?

– Да, ба...

– Послушай, что я хочу тебе сказать... Куда все катится?!.. Народ совершенно озверел! Шла от метро, меня чуть не сшибли!.. Никто дорогу не уступает, все прут, как танки. Знаешь, мне кажется, это все приезжие!.. Москвичи никогда себя так раньше не вели!.. А эти... Ужасный народ!.. Откуда их столько понаехало?!.. Грубые, некультурные!..

Глядя на него, она замолчала. Некоторое время оба не произносили ни слова...

– Ба, я хотел тебя спросить: а есть такая болезнь, от которой на лице появляются наросты – бородавка на бородавке?.. Да, еще, ба: не надо этой твоей манной каши, я ее терпеть не могу...

4

Он не проспал. Начал спешно собираться: совещание было назначено на девять и он боялся опоздать даже на несколько минут. Директор приходил заранее и раздражался, если замечал, что кто-нибудь опаздывает. Бабка ему не мешала, – она уже проснулась, но из комнаты не выходила, – из-за ее двери доносились какие-то звуки: скрипела дверца шкафа, грохотали передвигаемые стулья.

Только теперь сообразил, что у него нет завтрака: в холодильнике было пусто, манную кашу он накануне отверг... Он решил не завтракать: пораньше выйдет, а там – возле работы в магазинчик, чего-нибудь купит, как-нибудь перекусит с чайком перед совещанием... Много времени на это не надо, а немного он сейчас себе добудет. Он заторопился, подскочил к окну, глянул на улицу: все тот же склон, поросший старыми деревьями, футбольное поле, спортивные площадки. Он вспомнил вчерашний вечер: вот так же он стоял у окна и смотрел на все это. Какая-то странная неприязнь к виду из окна мелькнула в нем... Он посмотрел потом на прибитый к деревянной раме градусник: началась оттепель, а значит с наматыванием шарфа можно не мучаться. Быстро собравшись он покинул квартиру...

Хоть и без шарфа, а от быстрой ходьбы он скоро запарился, но и до метро добежал удивительно быстро – прежде он даже и не предполагал, что здесь, при желании, можно так быстро добежать до метро. Будет теперь это знать, будет иметь это ввиду: ведь это же замечательно!.. От земли, от деревьев исходил теплый, влажный дух – совершенно весенний запах. Полный какого-то удивительно радостного чувства он вклинился в толпу, двигавшуюся к дверям метро, кого-то толкнул, наступил кому-то на ногу, успел занять место раньше кого-то. И тут вдруг в голове у него мелькнуло: а ведь никогда прежде с такой звериной радостью он не бежал из дома на работу! Да, хотелось! Хотелось на работу! Причиной тому был вчерашний день – целый день он пробыл дома, кровь в нем застоялась и теперь она бурлила, радостно требуя еще большей деятельности!

Он удивительно быстро продвигался в толпе у входа! Правда и то, что народа сейчас было немного меньше, чем когда он шел вчера – он все-таки вышел пораньше, – двери не были так безнадежно раскрыты, как накануне. Он прошел внутрь, торопливо направился к ближайшему смотревшему на него турникету. Уже когда он лез в карман за проездным билетом он испытал первую очень легкую атаку и сразу же вслед за этим невероятная паника охватила его. Но билет он, конечно же достать – достал, неловким движением ткнул его в прорезь турникета, он туда не попал, ткнул еще, уронил его... Наклонился за билетом, не сразу поднял его с каменного пола, какая-то тетка сходу налетела на него... Это был конец! Ничего не соображая, он все же просунул билет в прорезь, взял его, прошел за турникеты, сунул билет в карман... Он шел по платформе. Народу было достаточно, но он словно бы никого не видел: все тяжелее и тяжелее становилось ему.

Раздался грохот: как раз по тому пути, по которому нужно ехать ему, на станцию въезжал поезд. Еще какие-нибудь секунды и ему надо будет лезть в вагон! Да что же он делает! Это невозможно!.. Он остановился, развернулся и ринулся к выходу со станции – как раз туда, откуда он только что пришел. Бешеное чувство радости охватило его: спасен! Невероятно, но он неожиданно спасся! Конечно: он же вышел раньше обычного – сейчас он так же быстро дойдет до дома, – теперь он знает, этот путь можно преодолевать гораздо быстрее, чем он предполагал сначала, сделает все дела и так же спешно ринется обратно. И никаких проблем не будет!..

Он несся так быстро, что сам не заметил, как оказался уже на поверхности, по дороге к дому. Паника и страх, которые он перед этим испытал, были столь велики, что он даже перестал думать о причине, которая все это вызвала... Нет-нет, она была, ему не показалось – теперь

он вновь чувствовал это. Правда она была не очень значительна, но ясно, в какую проблему все это может вылиться, когда он будет зажат между другими пассажирами в набитом вагоне, стоящем на перегоне между станциями... Он пошел еще быстрее, чем до этого.

Уровень проблемы не увеличивался и не уменьшался – был ровно в том же состоянии, в каком продемонстрировал ему себя, когда он только входил на станцию... Он был почти уже у дома. Вдруг наконец до него дошло, как сильно он запыхался – сердце колотилось отчаянно... Вот и подъезд. Когда домофон запищал, он с силой рванул дверь на себя...

...Вытащив глаза бабка спешила по коридору ему навстречу:

– Как ты меня напугал!..

Он не смотрел ей в глаза. Дойдя в спешке до туалета, сообразил, что ботинки снял, а куртку – нет... Заскочил в комнату, сбросил куртку. Он посмотрел на часы: странно, как ни бежал он, а дорога обратно от метро к дому почему-то заняла больше времени, чем от дома к метро... Странно! Неужели он в первый раз что-то напутал?!..

Ничего-ничего! Время все равно еще есть – ровно столько, чтобы успеть!.. Что же, черт возьми, происходит?! Ничего! Только то, что он вовремя выскочил из метро... Все нормально!

Он торопливо завершил дело, выскочил из туалета, не моя рук – в комнату, торопясь начал одевать куртку, в спешке конечно же никак не мог попасть в рукав... Остановился, встряхнул куртку, спокойно надел ее. Стараясь быть как можно сосредоточенней вышел в коридор, направился к двери. Бабка наперерез ему вышла из своей комнаты. Все это время она незаметно стояла на пороге, поджидая его...

– У тебя что, болит живот?... Зря ты не ешь кашу!..

– Да отвяжись ты со своей кашей! – грубо сказал он и ринулся к двери.

Заолав она поковыляла за ним...

– Иди, иди! Я закрою, не волнуйся! А то опоздаешь!.. – проговорила она, закрывая за ним дверь.

– Да отвяжись ты со своим «опоздаешь»! – крикнул он уже с лестничной клетки, но тем не менее, не запирая двери, поторопился нырнуть в лифт...

«Эх, черт! Зря не засек, сколько же это все-таки занимает времени!» – подумал он, пройдя уже больше половины пути до метро. Он немного успокоился, настроение, как ни странно, было радостным. Радовала мысль про то, каких мук и сложностей избежал.

Оказалось, что народищу за эти двадцать – двадцать пять минут стало значительно больше. На этот раз он был не столь агрессивен и удачлив. Двери уже не закрывались, поток донес его до них... Но все равно, настроение у него было скорее хорошее, чем плохое – пусть он даже и остался без завтрака!

В ужасной давке, совершенно не нервничая, затолкался в вагон сразу с наслаждением начал прислушиваться к своему состоянию: совсем не так, как могло бы быть, не вернулся он домой – сейчас он был готов ко всему. Вот остановись поезд, – в каком-то блаженном расслаблении и безучастности он будет переживать минуты в тоннеле, сколько бы их ни было... И пусть вокруг нервничают люди!..

Стоп! Он же опоздает на совещание, если поезд в тоннеле остановится... Он с тревогой принялся вслушиваться в гудение моторов, грохот состава... Все было в порядке, поезд резво несея... Вдруг гудение изменилось. Так и есть! Останавливается...

Мысль о совещании испортила все настроение. Он был спокоен, но наслаждаться своей уверенностью уже не мог, – думал о времени... Достаточно быстро поезд поехал вновь. «Хоть бы больше не останавливался!» – молил он.

Проехали несколько остановок, люди входили и выходили, в тоннеле больше не застре-вали. На последней остановке вышло много народа, вошло – всего несколько человек. Он подошел ближе к дверям. Пока они не закрылись, наблюдал, как медленно втягивается в старый отделанный мрамором вестибюль станции вышедшая из вагонов толпа.

Следующая была его... Невероятно! Опять прежнее беспокойство! Да сколько же можно!.. И хотя беспокойство было очень легким и тут же начало улетучиваться, настроение моментально испортилось. Черт побери, с этим переездом его организм окончательно расстроился!.. Что же делать?!.. Нет, на этот раз он ни на что не станет обращать внимание. Поезд въехал на станцию и остановился. Он вышел из вагона. Здесь ему предстояла пересадка. Пока он шел по вестибюлю, поднимался по лестнице, ехал на эскалаторе состояние его продолжало оставаться умеренно тревожным. Какие-то дурацкие, путанные мысли вертелись: все из-за переезда, а то вспоминал, как бабка выскочила закрывать за ним дверь. Представил директора, совещание, – как оно будет проходить? Ему было очень хреново: чувствовал – угроза, которая только-только была заявлена, не исчезнет сама собой, будет только увеличиваться, пока он помимо своей воли просто о ней не думал – не знал, чтобы он с ней сейчас смог сделать. Вернуться домой было уже нельзя. Едва он зашел в вагон, ему начало становиться хуже, поезд побежал в тоннеле и ему стало совсем тяжело – сильная, отчаянная атака, справиться с которой, казалось, невозможно – вот с чем пришлось ему иметь дело. Он справился. Через несколько минут его уже покрывал холодный пот. Второе утро подряд! Он прикрыл глаза. Он весь сосредоточился на своем кошмаре, он пытался думать о вчерашнем утре – тоже было плохо, ситуация была даже хуже, поезд стоял в тоннеле, он был зажат между другими пассажирами и ничего – все обошлось... Теперь, несмотря на все мысли, ему становилось хуже и хуже... Но теперь поезд все-таки бежит по рельсам и быстро бежит. Ехать ему совсем немного остановок. Вот и еще одна... Он даже не мог позволить себе выйти! Времени оставалось еле-еле, чтобы успеть на совещание. Этот директор, – вот чертов педант! – наверняка начнет его ровно в назначенный срок. Да и куда ему выходить?!.. Бегать по городу в поисках заведения?.. Где он сейчас его найдет?.. Впрочем, вот рядом со следующей станцией, буквально в полуминуте ходьбы он знает ресторан быстрого питания... Уже секунд десять он невидевшим взглядом смотрел в свое отражение на стекле. Какую муку можно разглядеть сейчас в его глазах, присмотрись кто-нибудь к нему повнимательнее?.. Он смежил веки... Нет, выходить из метро, возвращаться обратно, – там длинный эскалатор, ему проще доехать до работы... Теперь уже проще... Сколько ему еще добираться? Минуть пятнадцать-двадцать, – посчитать спокойно и точно он был не в состоянии, продолжавшаяся атака была очень сильной. А сколько он протерпел вчера? Да примерно столько же времени. И при этом, вполне вероятно, был способен протерпеть вдвое-втрое больше, хотя атаки были временами ничуть не менее сильные. Слава богу, поезд бежит быстро, ровно, без всяких заминок и, кажется, от станции к станции движется все быстрее и быстрее – наверное, график догоняет... Только бы никаких заминок с поездом! Тогда все будет нормально! Он успеет! Да, точно! Там, когда он выйдет из метро, уже до работы бежать будет как-то легче, веселее, там впереди уже будет удачное разрешение всего!.. На этой приятной мысли начало отпускать – все сильнее и сильнее...

Относительно благополучный период продолжался практически до середины последнего перегона, который ему предстояло одолеть в метро. Было трудно, но теперь он был окрылен мыслью, что перегон этот все же последний... Оказавшись на эскалаторе он принялся быстро подниматься вверх пешком... То ли от того, что он изо всех сил бежал вверх по эскалатору, толи от того, что он уж слишком вообразил себя уже находящимся в офисе, – а на самом деле ему было еще минут десять пешего ходу – самое малое, – но когда он вышел из метро его скрутило так, что все, что было с ним накануне, показалось ему просто детской игрой... Он понял, что это конец и еле-еле пошел дальше... В голове скакали мысли: он думал о том, что станет делать, когда это все же произойдет – возьмет такси? Но как ехать в такси в таком виде? Поедет на метро – и там, наверное, от него будут шарахаться! Ужас! Деться было некуда!.. Совершенно некуда! Здесь некуда было деться!..

За крайним отчаянием всегда следовало относительное облегчение... Незаметно для себя он прошел полдороги до офиса, худо ему только что было так, что он думал, что в офис

уже не пойдет... Впереди он увидел одного из сотрудников их фирмы – он тоже спешил на работу... Смешно сказать: «тоже»!.. У него еще оставались силы повеселиться: он даже как-то усмехнулся над самим собой... Он подходил к офису... О том, чтобы пойти сразу куда-либо кроме одного вполне определенного места не могло быть и речи... Он наверняка опоздает на совещание, но другого варианта просто не было...

5

Если бы он не решил все же снять куртку, то все, возможно, сложилось бы по-другому, но он решил все же зайти на секундочку в комнату, в которой он сидел еще с одним сотрудником и повесить на вешалку куртку – без куртки ему, все же, в волшебной кабинке будет удобнее... Он так и сделал... Зашел, скинул куртку...

Вдруг в комнату вошел директор...

– Ты чего опаздываешь?!..

– Я не опаздываю... – он оторопел. Он действительно не опоздал: он не пришел заранее, но и не опоздал!..

– Я распечатал тут у тебя продажи за последний месяц...

Только тут он заметил, что компьютер его включен... Директор подскочил к его компьютеру, стоя покликнул что-то мышкой – он не понял что и где...

– Пойдем, мы начали раньше... Уже все сидят... Мне через полчаса надо уезжать, – директор повел его за собой.

Если бы не это «полчаса» он бы, наверное, не пошел за директором в комнату совещаний. Но тут во-первых ему как раз в этот момент было полегче, потом он настолько оторопел от того, что директор роется в его компьютере, что вообще вся проблема на какие-то мгновения вылетела у него из головы, и тут это сказанное «полчаса» подтолкнуло его подумать «протерпел столько, полчаса еще вытерплю... Тем более, что здесь уже есть куда в случае чего деться, самое страшное не произойдет, в случае чего, извинюсь и на пять минут выйду». Директор что-то спрашивал, думая подобным образом, он что-то невпопад отвечал и так они дошли до комнаты переговоров...

– А ты чего не взял с принтера продажи?

– А? Что?

– Я же тебе сказал – возьми с принтера продажи... Я только что распечатал... Давай быстрее!

Директор зашел в комнату для переговоров. Все, действительно, с серьезными лицами и раскрытыми блокнотами сидели за круглым столом, – он увидел это в приоткрывшуюся дверь.

Ничего не соображая он развернулся и подошел к стоявшему у большого стола секретарей сетевому принтеру, начал собирать с него бумажки...

– Приве-ет! – донеслось до него.

Он поднял голову: одна из секретарей улыбалась ему.

– Ну надо же! Никого и ничего не замечает!.. Все наверное о продажах думает! – улыбнулась она ему.

– Привет! – еле слышно проговорил он, собрал, наконец, все бумажки и поспешил в переговорную...

Он поздоровался, уселся между двумя другими сотрудниками. Все были хмурыми, в воздухе витало – директор раздражен и всеми недоволен.

Замелькацкий начал раскладывать листы отчета... Руки его дрожали от напряжения – он почувствовал, что ему стремительно становится хуже. Директор сидел как раз напротив него: на его одутловатом лице застыла презрительная гримаса. Верхняя губа то и дело поднималась, словно он собирался сказать что-то и в последний момент раздумывал, дряблая, с нездоровым желтым оттенком кожа на его щеках каждый раз дергалась, глаза оставались цепкими и холодными.

Кроме него и Замелькацкого в комнате собралось еще три человека: начальница отдела и ее подчиненная – Федорова и Богачева и Маркин – один из продавцов оборудования из филиала фирмы, находившегося на расстоянии одного перегона по метро. Именно он в этот

момент и разговаривал с Федоровой по поводу поставки оборудования одному из клиентов, которым занимался ее отдел. К теме совещания этот разговор никакого отношения не имел. Маркин и Федорова недолюбливали друг-друга и споры между ними возникали постоянно. Директор смотрел то на него, то на нее...

В голове мелькнула отчаянная мысль: вот сейчас, пока они говорят, встать, извиниться и выйти минут на пять. В этот момент директор проговорил:

– Давай, откомментируй продажи...

Маркин и Федорова тут же смолкли. Ему продолжало становиться хуже. В эту секунду он не мог думать ни о чем, кроме того, что происходило внутри него. Каким-то странным, непохожим на свой собственный голосом он, тем не менее, начал: он просто начал зачитывать цифры, значившиеся в распечатанном отчете... Это зачитывание было единственным, за что он мог хоть как-то уцепиться, потому что мысли в голове не было ни одной, кроме, разве что «Зачем же я так?! Мне надо было встать и выйти!» Но он продолжал зачитывать, постепенно повышая голос...

– Я же тебе сказал: откомментируй! Что ты нам тут читаешь! – раздраженно прервал его директор.

– Прочитать мы можем каждый у себя в кабинете! – тут же подхватила Федорова, предпенсионного возраста, но бодрая, очень хорошо одетая и уверенно державшаяся женщина, с копной густых, крашенных волос на голове.

Она не любила молодых сотрудников и не упускала возможности показать директору насколько они плохи и ненадежны.

– Да, но тут очень важный момент!.. – бодро понес он, потому что как раз в этот момент состояние его дошло до критической точки и он инстинктивно стремился хоть чем-то отвлечь себя.

Он начал всерьез взвинчивая голос говорить какую-то чушь, про то, что в этих цифрах он видит определенную тенденцию... Директор внимательно смотрел на него.

Тут вмешался Маркин, – ловкий умный продавец, – он, конечно же, не упустил случая высмеять коллегу, заодно подчеркнув еще раз собственный профессионализм и компетентность...

Все знали, что между Маркиным и директором постоянно происходят доходящие до крика споры. Касались они размеров Маркинских комиссионных. Тот получал их от заключенных сделок. Директор, хоть и нехотя, постоянно уступал Маркину, угрожавшему, что уйдет к конкурентам...

Все постоянно шептались, что Маркина вот-вот выгонят, что он балансирует на грани, но тот, тем не менее, до сих пор был в фирме и по-прежнему вел себя крайне независимо и нагло.

Маркин убедительно и умно начал доказывать, что все, что он, Замелькацкий, только что сказал – полная ерунда. Директор поддержал Маркина и с ехидной улыбкой посмотрел на Замелькацкого. Кризис, тем временем, был пройден и у него начало отпускать. Это облегчение после того, как он был на грани казалось совершенно неминуемого конца окатило его по нервам столь благодатной волной, что он почувствовал счастье и ему все равно было, что и кто в данный момент говорит... Все это было неважно!.. Главное, ему стало легче...

Маркин продолжал распинаться. Он постепенно выводил свою собственную теорию по которой получалось, что все продажи того оборудования, которым занимался Замелькацкий были осуществлены только благодаря отделу, в котором работал он, Маркин, что когда, тем не менее, требовалась поддержка и какое-то сопровождение контрактов от него, Замелькацкого, он не делал этого так, как того требовалось, потому что они слишком разделены: Маркин никогда не может найти Замелькацкого, когда он ему требуется, а потому он, Маркин, давно уже предлагал включить его, Замелькацкого, в состав их отдела (для Замелькацкого это означало

только одно – потерю самостоятельности и, наверняка, дополнительную нагрузку и придирки, которых, работая с Маркиным, избежать будет невозможно).

Но облегчение было недолгим. С ужасом он понял, что оно опять начинает напирать. Его начал покрывать ледяной пот... Впрочем, он и так его уже несколько раз за это утро оказывал его с ног до головы. Он заговорил, перебивая Маркина, чувствуя, что на этот раз ему на ужасной грани не удержаться и надо бы прямо сейчас вставать и выходить, потому что еще несколько секунд – и будет поздно! Но он продолжал говорить, судорожно развивая свою речь, совершенно не соображая, что он говорит, в голове было только это «Что же через секунду будет?! Как же этот ужас пройдет?! Надо немедленно встать и выйти! Но это значит – прервать свою речь! Господи!» Ладони его были противно липкими от пота. Должно быть, в эту секунду он был бледен, как мертвец!

Он нес что-то про то, что та тенденция про которую он говорил – это вовсе не плод его воображения, что про эту тенденцию он вычитал из заграничных источников (он ничего такого нигде не читал!), что странно, как это Маркин не понимает, что продажи оборудования не могут не зависеть от сезона, так как есть периоды закрытия балансов и проч. (это звучало внешне правдоподобно и даже логично, но на самом деле ничего такого не было, продажи, вопреки логике, ни от какого сезона не зависели и он сам это лучше всех знал – иногда лучше всего покупали именно в тот момент, когда, казалось бы, клиентам должно быть совершенно не до покупок). В общем он сам, невольно, начал выводить и обосновывать систему там, где ее точно не было... Хотя!.. Иногда, ткнув пальцем в небо, можно нечаянно и попасть во что-нибудь...

Поджимало так сильно и отповедь была столь яростной, что Маркин опешил и, как понял Замелькацкий какой-то еще остававшейся свободной от происходившего с ним ужаса частью мозга, Маркин сдался, видимо решив, что все его нападки не пройдут.

И странно – Замелькацкий опять удержал все в себе и его опять отпустило. Большого наслаждения, чем в эту секунду он давно уже не испытывал, – ужасная лапа, сжимавшая его, разжалась... Невольно он сделал в своей речи паузу.

Директор – все-таки голова у него, надо было отдать должное, несмотря на всю раздражительность, работала отменно, – спокойно проговорил:

– Понимаешь, никакой тенденции, кроме той, что мы по твоему товару очень сильно отстаем, нет. Хотя и рынок и все преимущества по сравнению с конкурентами у нас есть...

Тут уж, после того, как сам директор при всех обозначил его вину, начала говорить Федорова – уж у ее-то речей тенденция всегда была только одна и совершенно предсказуемая: теперь получалось так, что во всех неудачах руководимого ей отдела виноват единственно он, Замелькацкий, потому что вовремя не встретился с тем, с кем она просила его встретиться, не предоставил данных, которые она просила его предоставить, не выбрал в переговорах ту линию, которую она просила его выбрать и так далее все в таком же духе.

Директор посмотрел на часы.

Измученный Замелькацкий тоже глянул на свои... Надежда охватила его – до истечения получаса, про которые обмолвился директор, оставалось не так уж и много.

– Что, спешешь куда-то? – неожиданно спросил директор, перебив Федорову (та тут же замолчала) и внимательно уставился на него.

Вопрос этот настолько поразил Замелькацкого, что вдруг его как будто окатили ледяной водой, и вся проблема прошла... По крайней мере так в ту секунду ему показалось... Ясно было, что директор не мог ни о чем догадываться, но все же!..

– Ты как себя чувствуешь? – вдруг проговорил директор.

– Что? – вытаращился Замелькацкий на него.

– Ну тебе вчера было плохо... Ты же сказал, сердце... Как сейчас чувствуешь себя?

– Хорошо... Нормально... – неожиданно бодро ответил Замелькацкий.

– Ой, здоровье – это самое главное! – запричитала Федорова. – Вот я занимаюсь теннисом, лыжами. Это помогает сохранять отличную форму! – конечно же не могла не подчеркнуть она.

– Ну вы когда меня с собой возьмете на лыжах, а?! – весело заговорил с ней директор, словно бы позабыв за секунду и о Замелькацком и о совещании. – Я вот все хочу на лыжах покататься!.. Как в школе, знаете, на уроках физкультуры... А то все приятели все этими горными занимаются... А я вот хочу на беговых, обычных, так, знаете ли, по рабоче-крестьянски...

– Ой, да бросьте вы, по рабоче-крестьянски... Да вся Норвегия только на беговых и катается... Мы вот недавно с мужем были там, у знакомых... – опять подчеркнула она свой активный образ жизни...

– Ну Мария Ивановна! Что же вы меня-то опять с собой не взяли! – весело воскликнул директор. – Ну я бы знакомых ваших конечно был не стал обременять, где-нибудь там рядом остановился в гостинице! Ну вот, опять не дали на лыжах покататься... – директор весело хлопнул ладонью по столу.

– В Норвегии! – воскликнул Маркин. – Сергей Васильевич! А чего вам эта Норвегия, вы поезжайте вон в Рязанскую область... Только лыжи получше смажьте... А то как за вами там мужички погонятся... – Маркин заржал.

– Все ты опошлишь! – покачал головой директор.

– Нет, а почему опошлишь?.. – возразил Маркин. – У меня вон у сына у одноклассника велосипед отобрали... Да-а, остановили в соседнем дворе, ссадили и привет!..

– Ой, ну Маркин опять эти свои ужасы начинает рассказывать – где ты их только выкапываешь...

– А он, Марь Иванна, просто вам завидует... Оправдывается, почему он спортом не занимается... Вон у него, смотрите, какой уже живот висит... Мол, с велосипеда ссадили, лыжи отобрали... Не на чем мол заниматься... – весело продолжал директор.

– Ой, да Маркина, пожалуй, ссадишь... – проговорила Богачева. – Он сам у кого хочешь велосипед отберет...

– А вдогонку еще и лыжами по голове огреет!.. – заржал директор.

Один Замелькацкий не принимал участия в общем веселом разговоре.

– Не делайте из меня монстра!.. – проговорил Маркин. – Лыж у меня нет. Есть гантели. Но я их с собой не ношу. Так что не бойтесь...

– Иногда-то, признайся, все-таки носишь? – прищурившись, лукаво спросил директор.

– Ну если только в «Гарант» иду...

Все, кроме Замелькацкого, заржали: у их фирмы с «Гарантом» был долгосрочный контракт на поставку оборудования и запчастей, по которому «Гарант» непрерывно предъявлял всякие малообоснованные претензии...

– То-то я смотрю у тебя карманы оттопыриваются!..

– Сергей Васильевич, вы же знаете, там не только гантели!..

– Да уж, – проговорила Федорова. – Гантелями там вопроса не решишь...

– Нет, почему... Если они будут из золота! – опять весело заржал директор.

Все знали, что управляющий «Гаранта» получает от их фирмы постоянное вознаграждение.

Директор вдруг посмотрел на часы. Потом уставился на Замелькацкого:

– Будем считать совещание оконченным... Соберемся по тому же вопросу через неделю... А ты подготовь пока свои предложения, как увеличить продажи... Так сказать, о причинах колебания спроса мы от тебя теперь знаем, надо подумать, как им управлять...

Все поднялись. Опасаясь, что кто-нибудь, а может, даже сам директор продолжит с ним разговор, Замелькацкий неловко сгреб со стола свои бумажки и толком даже не сложив их,

так и держа в руках эту бесформенную кипу торчавших друг из-за друга листов, поспешил прочь из зала для совещаний.

Выскочив за дверь, он, ни на кого не глядя – он прошел мимо секретарей – направился к двери туалета. Когда он взялся за ручку и открыл дверь, он обернулся: выйдя из переговорной, директор с ехидной улыбочкой смотрел на него... Замелькацкий дернулся и шагнул внутрь...

Он вышел из туалета. Дух его был, разумеется, в ужасном состоянии. Но особенно он в эти мгновения думал о последней сцене с директором – она произвела на него странное впечатление: неужели он обо всем догадался?! Но как?! Это невозможно!.. И чем это ему грозит?..

Он вошел к ним в комнату. Кроме него в ней сидел еще один и одно рабочее место было свободно – сотрудник, который на нем раньше сидел, уволился, а нового так и не взяли. Сейчас в комнате был только один человек – Смирнов, его ровесник. С ним у него были отношения лучше, чем с другими – те были просто коллегами, со Смирновым они были друзьями.

– Черт знает, кого набирают... Пока тебя не было...

– Я был на совещании.

– На это место привели новенькую.

– Ну и как тебе новенькая сотрудница?

– Она приехала из какого-то очень далекого городка...

– Что же, никого поближе не нашлось?

– Видишь ли, наше общество вымирает.

– Это всем известно...

– Да, именно, вымирает... Понимаешь... Все очень хреново. Я сейчас говорил с Фадеевым – это был начальник департамента персонала – брать совершенно некого. Нет сотрудников подходящей квалификации. Я вот только что прочитал тут на одном сайте – доля престарелого населения увеличивается с восемнадцати процентов, которые есть сейчас, до двадцати шести, которые будут в скором времени...

– Какая тебе-то разница?

– Разница такая, что все, друг, очень скверно. Засыпая сегодня в одном обществе, мы не знаем, в каком проснемся на следующее утро.

Замелькацкий, наконец, уселся на своем стуле. Компьютер его был включен.

– Да, именно, ничего не знаешь про то, что наступит для тебя завтра!.. А ведь завтра очень многое может наступить!

– Послушай, как бы ты отнесся к тому, что у тебя вдруг начало бы обезображиваться лицо?.. – вдруг проговорил Замелькацкий.

– Не знаю... – испуганно ответил Смирнов. – Наверное, сходил бы ко врачу... А почему ты спросил?..

– Да так... Ни почему...

Смирнов замолчал и уткнулся в экран своего компьютера. Некоторое время они сидели молча.

– Нет, погоди... – Смирнов опять повернулся к нему. – А почему у меня должно начать обезображиваться лицо?

– Да не должно, конечно, я просто так проговорил.

– Ты бы сам-то поверил, что кто-то что-то говорит просто так?.. Почему-то же ты спросил. Почему вообще лицо может начать обезображиваться?..

Чувствуя, что Смирнов нервничает и просто так не отстанет, Замелькацкий принялся объяснять:

– Понимаешь, вчера я был на почте и там одна баба другой сказала, что по нашему району бегает какой-то бомж – у него страшно заразная болезнь, от которой обезображивается лицо... Вот и все.

– Ничего себе! – лицо Смирнова вытянулось. В глазах заискрилась тревога. – Глупость какая-то!.. Нет, а почему ты меня спросил, что я стану делать...

– Да просто так! Что ты в самом деле!..

– Нет, ну просто так же не бывает ничего...

– Согласен. Не бывает!.. Тут сложный ряд ассоциаций... – начал, не выдерживая, раздражаться Замелькацкий. – Ты ведь сказал, что никогда не знаешь, в каком мире проснешься завтра...

– Да, говорил...

– Ну вот!.. А я вчера как раз вечером проснулся, подошел к окну, смотрю – во дворе стоит какая-то машина – как будто как из будущего. Я таких никогда в жизни не видел. Я и подумал... Знаешь, фантазия такая: думаю, а вдруг я заснул летаргическим сном и проснулся уже в будущем, где все другое – машины другие... Ты как сказал сегодня про то, что не знаешь, в каком мире проснешься, я сразу про это и вспомнил. А поскольку я после этого вчера сразу прошел на почту, то я тут же и про этого бомжа вспомнил...

– Постой, так ты что, с ним встретился?!

– Да нет, я про рассказ этой бабы вспомнил...

– А-а... – Смирнов внимательно разглядывал его.

– Ты смотри!.. – через некоторое время проговорил он. – Ты ведь нас обязан предупредить...

– О чем?..

– Если ты болен заразным заболеванием, ты обязан предупредить... Как это!.. Тем более...

– Ничего я не должен! – в раздражении воскликнул Замелькацкий. Весь этот разговор начал надоедать ему. Он жалел, что сказал про обезображенное лицо.

– Как это не должен?!.. – начал еще больше нервничать Смирнов.

– Ну хорошо: должен, должен!.. Успокойся... – Замелькацкий принялся перелистывать на компьютере листы отчета, всем своим видом показывая, что не хочет продолжать этот разговор.

Смирнов еще некоторое время с тревогой смотрел на него, но потом отвернулся...

В комнате воцарилась гнетущая тишина. Прошло несколько мгновений и Смирнов встал и вышел.

Замелькацкий остался один... Он продолжал механически перелистывать на компьютере свой собственный отчет. Что же, черт возьми, произошло?!.. С ним и раньше подобное случилось... Со всеми случается. Когда это случилось вчера, подумал: «Что ж, случилось в самый неподходящий момент... Что ж!..» Но сегодня – опять! И опять неподходящий момент!.. Можно, конечно, грешить на пирожок. Но позавчера он не ел пирожков, а вчера утром это произошло!.. А потом весь день ничего не было: чувствовал себя нормально, не считая какой-то особенной сонливости. Что-то здесь не так... У него не болит желудок, все нормально... Уже два раза за два последних дня в самый неподходящий момент с ним происходит что-то совершенно ужасное!.. Да ведь именно эти два дня он живет на новой... То есть старой!.. На новой старой квартире!..

Он слышал, при переезде желудок может реагировать на воду, – на какие-нибудь непривычные примеси, содержащиеся в воде на новом месте... Но он переехал всего лишь из района в район!..

Вдруг он ощутил, что живот у него сводит. Страшно испугался, но тут же вспомнил – он же так и не завтракал сегодня! Сводит-то от голода!.. Боже мой, он совсем не следит за собой! Надо поскорей, поскорей пойти поесть!..

Он вскочил со своего места, подошел к вешалке, надел куртку и торопливо направился вниз, на улицу...

6

Он вышел на улицу. Опять перед глазами начало возникать ухмыляющееся, как будто все понимающее лицо директора... Унизительно подвело его здоровье. Не уволили бы!.. Главное, конечно, в продажах... Сразу вспомнилась сестра: постоянно говорила, что он бездарно тратит время, занят совсем не тем, дурак и ничтожество... И верно: что он и кто?.. Уже приближается к тридцати, а нет ни карьеры, ни семьи, ни подруги.

Не хотелось больше об этом думать!.. Но опять встало перед глазами ухмыляющееся лицо директора. Еще раз мысленно он пережил всю унизительную сцену.

Вот и магазин, он дернул за ручку. Дверь не открывалось. Только тут разглядел: магазин не работает. Он развернулся и медленно пошел по улице: черт знает что! За жратвой он всегда ходил именно в этот магазинчик!.. С тоской Замелькацкий посмотрел по сторонам: какая весна!.. Разве стал бы он несколько лет назад брести вот так по улице – униженный, грустный, то и дело вспоминающий какого-то козла, надсмехавшегося над ним?! Это при такой-то погоде!.. Да у него в прежние времена весной крылья вырастали!.. А сейчас?!.. Два утра подряд он переживает какие-то унизительные ситуации...

Да скинуть с себя всю эту грязь, весь этот мрак к чертовой матери!.. Утро прошло, он испытал после него облегчение и не на вечно ни этот директор, ни этот товар, который не хочет продаваться, ни Маркин с Федоровой! Достаточно просто перестать думать о них.

Радость волной окатила его: именно так!.. Все лишь проходной эпизод. А сейчас надо устроить немного праздника. Хоть на полчаса он сбежит от директора. Он бросил торопливый взгляд на часы – он совершит безрассудство и поедет... До метро – всего ничего, от центра города отделяет несколько станций, а там один ресторанчик быстрого питания. В нем ему особенно нравилась атмосфера.

Он представил себе оживленную, нарядную улицу – о, как любил он эти центральные улицы! Он пройдет по ней, потом зайдет в ресторанчик и попробует всего, что у них предлагают на завтрак. И его желудок прекрасно со всем справится. И благополучно вернется назад – он был в этом уверен. Счастливая эйфория охватывала его все сильнее. Она появлялась неожиданно, и никогда не подводила. Он знал: запомнит эти мгновения надолго.

Он уже быстро шел к метро...

«Эх! Эхма! – думал он. – Здорово!»

Он зашел на станцию, миновал турникеты, съехал на эскалаторе вниз и вошел в вагон как раз подошедшего и открывшего двери поезда. Он чувствовал себя чрезвычайно уверенно – как и предполагал. Двери закрылись, поезд побежал в тоннель... Он настолько был в себе уверен, что ничто не могло поколебать его знания о том, что вот сейчас он проедет эти несколько остановок совершенно без всяких проблем... Так и произошло... В вагоне, кстати, было пусто, пассажиры, как на подбор, все чистые и культурные, не было этих толкавшихся баб с тележками, испитых, разящих перегаром мужиков... Как белый человек он уселся на свободный диван, раскинул широко руки, облокотив их о спинку, закинул ногу на ногу – он кайфовал!..

Никто не обращал на него внимания, никто не смотрел на него осуждающе...

«Эх! Эхма! – думал он. – Всегда бы так ездить!.. Ну почему, почему таких мгновений на жизнь выпадает... Да всего несколько!.. Впрочем, жизнь только начинается! Да сколько ему лет?! Подумаешь!.. Да он так молод еще!»

И он уже совсем не думал, как только недавно, что уже не за горами его тридцатилетие, и нет ни карьеры, ни намека на карьеру, ни семьи с детками, ни подруги, ничего... Ничего и не надо!.. Сидя так, в таком вагоне больше не надо ничего... Кайф!..

«Да, жаль, что такой взрыв хорошего настроения, всю эту эйфорию невозможно намеренно вызвать, спровоцировать, – думал он. – Но его можно запомнить и хранить потом, как драгоценный сувенир!..»

«А ну ее на фиг эту старую бабкину квартиру! – подумал он отчего-то, как-то без связи с предыдущим. – Поеду сегодня ночевать обратно, домой... Сегодня поеду, а там, дальше видно будет... Что и как... Хрен с ним! Хрен с ним со всем!»

Вот и станция!.. Он вышел из вагона, с каким-то даже сожалением глянув назад, на опустевший диванчик, на котором сидел – его прекрасно было видно через окно. Здравская поездка!.. Здравский диванчик!.. Жаль, что все – недолго он на нем сидел!.. Эскалатор... Поднялся наверх. Перед ним шел какой-то дядечка: дядечка, как дядечка. Но там где выход со станции, где болтались то внутрь, то наружу тяжелые метрополитеновские двери, дядечка неожиданно придержал для него дверь – учтивость эта была сама по себе редка – мало осталось в грубой и хамской Москве людей, готовых подержать незнакомому человеку дверь, но еще более поразительно – когда Замелькацкий не сразу смог подхватить эту дверь и даже сделал какое-то неловкое движение – он случайно встретился с дядечкой глазами и тот ему как-то по-доброму, снисходительно улыбнулся... Это чужое благородство подняло бы настроение Замелькацкому, да только оно и так уже было настолько хорошим, – куда еще можно поднять такое прекрасное настроение!..

В одном из киосков у самого выхода со станции было включено радио, играла музыка... «Вот бы сейчас послушать того веселого, жизнерадостного негритоса!» – отчего-то подумал Замелькацкий. Он все еще провожал глазами своего доброго дядечку, он все еще улыбался ему в ответ широкой, счастливой улыбкой, хотя тот давно уже не смотрел на него. И тут по радио запел тот самый негритос...

В последнее время по радио крутили одну песенку, которую пел веселый американский негр – Замелькацкий несколько раз видел его по телевизору. У поющего негритоса была потрясающе добрая, веселая физиономия. Стоило Замелькацкому увидеть ее, плохое настроение поднималось, а хорошее становилось еще лучше. То, что сейчас, с учетом всех событий, негритос запел, едва он пожелал его услышать, Замелькацкий воспринял, как знак судьбы!.. Такого прекрасного настроения у него давно не было!.. Никогда!..

Такой ликующий оптимизм ни разу еще не охватывал его от пяток до макушки. Он шел по своей любимой центральной улице и все вокруг было именно таким прекрасным, как он и предполагал с самого начала. Он глазел по сторонам, наслаждался видом шикарных витрин, весной, теплым воздухом, нарядными прохожими... В голове у него звучала песенка веселого негритоса, он ни на минуту не забывал об учтивом дядечке, подержавшем ему дверь... Вот и его любимый ресторанчик!..

Дешевый, быстрого питания, но самый любимый! Здесь какая-то отменная, душевная атмосфера. Все-таки умеют иностранцы делать дело! Где они, там обязательно вот такая вот... Прелесть!.. Ресторанов этой сети по городу было полно, но в этом было как-то по-особенному... То ли сказывалось место, в котором он расположен – какой-то особый перекресток двух улиц, особые дома, видные изнутри ресторанчика сквозь стеклянные стены... Он подошел к свободной кассе – да впрочем все они были совершенно свободны! – и принялся изучать меню... Сотрудница ресторана приветливо улыбнулась ему. Он тоже блаженно улыбнулся. Должно быть, в эти секунды он выглядел полным идиотом!.. Да ведь конечно идиотом – для них, для окружающих идиотом, ведь они не знали ни про кардинальную перемену в его настроении, ни про побег, ни про веселого негритоса и мило улыбнувшегося дядечку, что подержал дверь... Ничего-то они не знали!..

Он выбрал салат, по одной из каждого вида котлет, пирог, мороженое, какао, кофе... Поднос получился внушительный!.. Так ведь и аппетит у него сейчас был зверский!.. Шутка ли – не позавтракать!

Боже!.. В ресторанчике тоже запел веселый негритос!.. Не должен был, а запел!.. Нет, что-то в его судьбе происходило – какие-то счастливые знаки выдавала ему судьба на каждом шагу.

– Попробуйте еще этот новый десерт! – приветливо улыбаясь порекомендовала кас-сирша. – Необыкновенно вкусный! Тает во рту!.. Как говорится, пальчики оближете!..

Замелькацкий опять блаженно улыбнулся...

– Давайте...

Он расплатился, подошел к ближайшему столику, сел, начал есть... Все-таки ему надо было торопиться... Он глянул на свои наручные часы – прошло не так много времени. Складывалось все удачно, как он и предполагал.

Он сосредоточился на еде. Все, что он купил, было удивительно вкусным. Впрочем, иного в такой момент он и не ожидал. Прикончил котлеты, – все несколько видов, запивая их сладким какао, десерт с кофе – действительно, новый вид десерта таял во рту, пирожок, мороженое... Уф!.. Сколько можно жрать!.. Откинулся от столика и, скомкав салфетку, бросил ее на поднос. Опять глянул на свои наручные часики, на этот раз с некоторой озабоченностью – пора и честь знать!.. Вот теперь уже надо двигаться в сторону работы.

Он встал и двинулся к дверям на улицу...

– Боня!.. – с ударением на первом слоге вдруг вскрикнул он.

– Боня! – закричал он во всю глотку.

Те немногие посетители, что были в этот момент в ресторанчике, повернули к нему головы.

Боня и так давно заметил его и сам первый шел в его сторону... И это тоже было удивительно!..

Он никак не мог подумать, что Боня после стольких лет помнит его, помнит его лицо да еще и сам первый пойдет в его сторону при встрече... Вид Бони поразил его.

Боня учился с ним в одной школе и с тех школьных пор они не виделись. Боня в их школе был какой-то особенной личностью! Он учился на класс старше Замелькацкого и был сыном каких-то очень значительных родителей. Но, конечно, особенным его делало не это. Вернее, не только это. Боня был потрясающе добр и невероятно общителен. При том, что он был самым-самым в их школе – он всегда был лучше и моднее всех одет, он дружил с самыми красивыми девушками, он постоянно отирался в самых модных барах и увеселительных заведениях, – он был потрясающе добр. Стоя где-нибудь у киоска неподалеку от школы он мог вдруг подойти и закупить всякого угощения и раздать его не только тем, с кем он дружил больше всего, но и случайно оказавшимся рядом ученикам младших классов... Причем щедрость его шла ни от какого-то особенного богатства, а именно от доброты... С ним дружила вся школа. То есть он вряд ли мог запомнить всех своих знакомых по именам – по крайней мере так Замелькацкому казалось, но всегда на перемене вокруг него образовывалась толпа – он со всеми как-то очень заинтересованно беседовал, интересовался делами каждого, с особенным, конечно, восхищением и обожанием взирали на него ученики помладше...

Сейчас Боня был одет в темно-серый костюм – совершенно скромный по покрою и расцветке, но глядя на костюм этот, с первого взгляда становилось понятно, что стоит он вовсе не дешево... Но галстук, но рубашка, но ослепительные черные ботинки – вот что оттенял якобы скромный Бонин костюм!.. Боня-джентльмен был в бело-небесно-голубой рубашке и сине-голубом галстуке с косыми белыми полосами, но самое, что поразило Замелькацкого – был платочек, торчавший из нагрудного кармана пиджака – разумеется, в тон всему – рубашке, галстуку и костюму. Конечно знал Замелькацкий, что такой платок в принципе носят, но никто в его окружении никогда такие не носил, да и, наверное, не осмелился бы носить... Потому что это – чуть ли не вызов!.. Конечно, только среди определенных групп населения... Но Боня-то был из другого мира!..

Боня, конечно, не мог не оказаться чем-то, что при встрече, при самом первом взгляде произвело на Замелькацкого потрясающее, восхитительное впечатление... Через левую руку у Бони было перекинута что-то: куртка или короткий плащик, правую он протянул для рукопожатия... Он, видимо, тоже только что закончил есть... Да конечно же – это ведь он сидел там, в углу, спиной и читал иностранную газету!.. Внимание Замелькацкого, только вошел, привлекла именно эта иностранная газета, на нее он бросил взгляд, а на того, кто ее читал он посмотрел как-то вскользь, невнимательно...

Боня из другого мира не мог не оказаться добрым, как и подобает могущественному волшебнику.

– Привет, старичок! Привет! – радостно улыбаясь пожал он Замелькацкому руку.

Все-таки Боня не помнил, как его зовут, не мог помнить, но счастье и то, что он узнал его и первым пошел в его сторону.

– Боня! Боня! – захлебываясь начал Замелькацкий. Он в сущности, тоже не помнил, как Боню зовут. Боня – это было прозвище, от фамилии, а имени его он, кажется, никогда и не знал.

– Как я рад тебя видеть!.. – говорил ему Боня, чуть-чуть приобнимая и совершенно не удивляясь щенячьему восторгу Замелькацкого.

– Боня! Боня, я с работы удрал! – заговорил Замелькацкий. Голова его кружилась от счастья.

Сомнений быть не могло, что Боня с самой первой секунды, с самого первого слова поймет все, что с Замелькацким произошло и происходит. Не может не понять! Ведь добрый бог знает про всех все и каждую секунду следит с небес за всеми...

– Боня, я работу прогуливаю!..

– Старичок, это абсолютно нормально!

– Боня! – захлебываясь говорил он. – Этот ресторан... У меня было такое плохое настроение!.. Так достала эта работа!..

– Старичок, ты ни в коем случае не должен позволять им портить тебе настроение. Они предъявляют к тебе какие-то требования?! Отлично! Это их право. Но при этом они думают только о своих интересах. Ты же должен думать в первую очередь об интересах своих. И в этом нет ничего предосудительного. Это тоже твое законное право. Это даже твоя обязанность!.. Ты должен думать о себе!.. Должен беречь себя!.. И не только ради себя. Ради своих близких, ради тех, кто любит тебя!.. Если ты думаешь, что что-то или кто-то на тебя давит – ты просто обязан избавиться от этого давления!..

– Боня!..

– Все верно!.. Конечно, тебе может показаться, что ты принимаешь через чур решительные меры... Но ведь у тебя просто не было времени подумать. Ты обязан был что-то сделать. И даже если твой шаг не был самым рациональным из всех возможных – не терзайся и ни в чем себя не обвиняй!.. Ты сделал все правильно!.. Ты сделал попытку как-то изменить свою жизнь в лучшую сторону. Пусть всего на несколько часов... Но сама по себе эта попытка дорогого стоит. Она очень важна!..

– Этот ресторанчик!.. Мне всегда в нем так здорово!..

– Все правильно!.. Этот ресторан – нечто вроде твоего талисмана. Старичок, у каждого человека есть что-то вроде талисмана. У меня это один кинотеатр здесь неподалеку... Сходишь в него, посмотришь какой-нибудь интересный фильм и сразу все становится тип-топ... Вот тут как-то было отвратительнейшее настроение... Сделка сорвалась... Я был в таком дерьме...

– Боня! Ты и в дерьме?!.. – страшно поразился Замелькацкий. Испуганными глазами он смотрел на своего старшего товарища. Так дети во время новогоднего представления замирают, если их любимому герою грозит какая-то опасность...

– Да, да!..

Медленно они двинулись к выходу. Точнее Боня двинулся, а Замелькацкий шагнул вслед за ним. Все – кассиры за кассами, уборщики со швабрами, немногочисленные посетители ресторана – кто не скрывая этого, кто – исподтишка, смотрели на них.

– Я пошел в кинотеатр, – Боня был страшно серьезен. Вот так же в школе, во время перемены он рассказывал толпе восторженных почитателей о том, как накануне он был в баре, как он велел приготовить бармену один очень сложный коктейль, которого никто в Москве готовить правильно не умеет...

Боня накинул курточку.

– В этот кинотеатр я всегда хожу только один. Посмотрел отличнейший штатовский фильм. И сразу – отличное настроение... И главное – сделка: неожиданно на следующий день она состоялась!..

– Боня! Но как?! Сделка и какое-то посещение кинотеатра?!.. Этого же не может быть!..

Они уже были на улице.

– Старичок, а кто сейчас знает, что может быть?!.. Нет, ну так-то, по-серьезному... Ведь чем больше мы узнаем, тем сильнее мы понимаем, как мало мы на самом деле знаем. Старичок, ты пойми – раньше религия и наука боролись друг с другом, современная же наука почти подошла к тому, чтобы математически доказать существование бога! Ты понимаешь, что это значит?!.. Это же революция!.. А ты говоришь!..

– Боня! Но сделка и кинотеатр...

Замелькацкий был счастлив – его герой был вне опасности. Но все же избавление от нее казалось слишком волшебным, а оттого – ненадежным...

– Старичок! Ты не веришь, что я заключил эту сделку?!.. – только тут Боня позволил себе снисходительно улыбнуться. У него были ровные, идеально белые зубы человека, снимающегося в рекламе зубной пасты. – Да знал бы ты в каком шоколаде я после нее!.. Посмотри на меня!..

Глядя на Боню сомневаться в том, что он процветает не смог бы никто...

– Да, да, Боня! Я верю! Ты что думаешь, я не верю?!.. Ну ты даешь?!.. Да как же я и могу не верить?!..

– Боня, а где ты сейчас работаешь?

– На фондовой бирже, старичок, на фондовой бирже... Чем занимаюсь – долго объяснять... Но я, может слышал, играю... Играю на всех этих делах!..

Боня достал пачку каких-то очень красивых и судя по всему дорогих сигарет. Предложил Замелькацкому, тот повертел головой. Боня закурил и шагнул к краю тротуара.

– Боня, где твоя машина?!..

– Старичок, ну кто сейчас ездит на машинах?!.. Такие пробки!.. Я устаю от этого. Хочется хотя бы на пол часа закрыть глаза, расслабиться, продумать план на вечер... Где это делать, как не в дороге?!.. Я просто не могу себе позволить отвлекаться на баранку, все эти рычажки... Нет, я понимаю, машины стали очень комфортными. Но мне-то что за дело?!.. Если я сижу на заднем сиденье, максимум, что меня может интересовать, это есть ли в машине кондиционер. Но я неприхотлив. Знаешь, все эти выпендрежи – это чистой воды жлобство. Поверь, то, что скромность украшает – это не просто фраза...

Непонятно почему, но рядом с Боней почти сразу остановилось желтое такси... Стоя к машине вполоборота, Боня как-то машинально открыл дверь, но разговаривать продолжал с Замелькацким. Водитель такси терпеливо ждал...

– Старичок, мне кажется тебе надо больше думать о самом себе и меньше о работе. Ты должен делать себе маленькие приятные мгновения... Пойми, если ты будешь грустным и уставшим, то от тебя и в деле толка никакого не будет. Это я тебе по собственному опыту говорю. Деньги любят счастливых и отдохнувших... Приди домой, завались беззаботно на

диван, почитай детективчик... И больше приятных мгновений! Больше приятных мелочей!.. Иначе ты так долго не выдержишь! Смотри!.. – очень серьезным строгим тоном закончил Боня.

Он наконец сел в машину.

– Пока!.. Очень рад был тебя видеть!.. Передавай там всем своим привет!..

Боня закрыл дверь и такси тронулось.

Осчастливленный Замелькацкий по прежнему стоял на тротуаре и смотрел ему вслед... Проехав метров пятнадцать такси неожиданно затормозило и задним ходом вернулось обратно.

Боня открыл дверь:

– Старичок, может тебя подвезти?... Извини, я не спросил!..

– Нет, нет, Боня, ты что!.. Я доеду сам, мне здесь недалеко!..

– Если недалеко, то лучше пройтись пешком... Это я тебе по собственному опыту говорю... Зайди в какой-нибудь магазинчик – здесь попадаются неплохие – сделай себе подарок. Просто так: не к какой-то дате, а просто к сегодняшнему дню и хорошему настроению. Купи в киоске какой-нибудь новый детективчик на сегодня-завтра...

– Хорошо, Боня! Я так и сделаю! – счастливо произнес Замелькацкий.

– Всего!.. – устало, но удовлетворенно проговорил Боня и наконец закрыл дверь. Такси вновь отъехало от Замелькацкого. Он смотрел ему вслед, пока оно не скрылось за поворотом.

Медленно, весь во власти услышанного и увиденного он вышел на центральную улицу и побрел по широкому тротуару.

7

Сначала он вообще ничего вокруг себя не замечал. Встреча с Боней потрясла его. То, что было до нее казалось произошедшим очень давно, в какой-то другой, теперь уже совершенно неважной, канувшей в прошлое жизни. И притом он бы не смог сейчас ответить, чем так поразила его Боня. Галстуком?.. Платочком, торчавшим из кармана?.. Да нет же!.. Всем!.. В сущности Боня даже ничего не сказал ему про себя. Ну что такое «на фондовой бирже»?.. На каких еще делах он там играет?.. Но все в Боне, весь его облик, что-то неуловимое, необъяснимое, так много дали Замелькацкому!..

И в эти минуты Замелькацкий прекрасно отдавал себе отчет, что быть может, ничего нет и никакой Боня не бог... Нет, бог, бог!.. А самый заурядный человек!.. Это Боня-то?!.. Да, он добрый!.. Он хотел подвезти его! Он специально заставил таксиста проехать задним ходом!.. Нет, что-то волшебное во всем этом было!.. И если Боня и самый заурядный человек... Впрочем, нет, уж самым заурядным его никак не назовешь!.. Нет... И если Боня и не бог, то что-то, что Замелькацкий не может объяснить, но может только явственно почувствовать, показывает ему себя через Боню, мелькает в облике Бони: вот, мол, я, смотри на меня, Замелькацкий и не унывай – я существую! Я о тебе помню! Все будет о'кей, тип-топ!..

Он посмотрел на часы – времени прошло совсем чуть-чуть. Встреча с Боней не задержала его сколь-нибудь надолго... Какая-то счастливая расслабленность охватила его. Словно он уже сделал какое-то важное дело, достиг какого-то значительного результата, которого никто у него уже не отнимет и теперь подоспел момент блаженно почить на лаврах... Он присматривался к магазинам на этой и противоположной сторонах улицы.

Итак, с Боней он уже повстречался, день, можно сказать, на этом благополучно завершен, а теперь неплохо бы подобрать себе какой-нибудь подарочек! Упрочить хорошее настроение чем-нибудь материальным, тем более, что именно это он Боне и обещал... Мысленно он прикидывал, сколько у него с собой денег – хватит на многое!.. Ну, уж очень много-то ему, конечно, не надо. Почему-то ему подумалось о новом красивом ремешке с блестящей пряжкой и каком-нибудь флаконе туалетной воды... Ну с этим-то здесь как раз не было никаких проблем и он смело свернул к двери магазина под иностранной вывеской, мимо которой он как раз в этот момент проходил...

За длинным под светлое дерево прилавком стояла миловидная продавщица а на полках позади нее, отражаясь в зеркальных задниках – десятки всевозможных флаконов. В магазинчике было пусто, единственная посетительница только что, навстречу Замелькацкому, вышла на улицу.

Он не знал, что купить – у него не было никаких пристрастий, никаких предпочтений. Но одна спасительная идея сразу пришла ему в голову... Он остановился у прилавка и молча принялся рассматривать флаконы. Ему все здесь нравилось, пузырьки и коробки выглядели загадочно и многозначительно, точно бы в каждом сидит джинн, который непременно переменит его жизнь и конечно же, в лучшую сторону...

– Вас что-то интересует? – спросила продавщица, не выдержав его долгого молчаливого разглядывания.

Этого-то он, хитрец, и ждал!..

– Дайте мне что-нибудь самое модное, самое современное! – он решил понадеяться на удачу. В конце-концов, хоть он и покупал себе что-то на свои деньги, но все же это не он себе покупал. Это судьба, одолжив у него немного денег, делала ему подарок. А в подарке обязательно должна быть доля сюрприза, неожиданности, неподвластности воле того, кому его вручают!

Пусть судьба выберет его новый запах!..

Продавщица замялась...

– Ну-у... Вот... Вкус у каждого...

– А вы бы что порекомендовали из более-менее последнего по времени! – помог ей Замелькацкий.

Он боялся, что она и тут не сможет ничего из себя выдавить, тем более, что видок у нее, как он теперь разглядел, при всей ее миловидности, был не слишком интеллектуальный, но она вдруг решительно произнесла:

– Возьмите вот это!.. Я вам точно говорю!..

И мигом схватив ее с полки, она резко поставила перед ним на прилавок бордовую коробочку. Что-то сверкнуло у нее в глазах!.. Замелькацкий понял – это было *оно*! То же самое, что и с Боней!..

Даже не глядя больше на коробочку, ни о чем не спрашивая, он достал из кармана бумажник, вытащил из него тысячерублевую купюру и протянул продавщице. Он и не знал, сколько эта коробочка стоит! Но не спрашивать же в этот момент о цене?!.. В конце-концов, ему же дарят и пусть тот, кто дарит волнуется о цене, расходах, сдаче и всем прочем...

Она приняла деньги, звякнула кассой, протянула ему сдачу. Пока он, не пересчитывая, засовывал ее в бумажник и убирал его в карман, она успела извлечь из-под прилавка красивый целлофановый пакет и убрать в него коробочку. Он взял пакет, повернулся и шагнул к выходу...

– Спасибо за покупку!.. Желаю приятного настроения!.. – раздалось ему вслед.

Он вышел из магазина... Однако!.. Настроение было отличным! Он понял, что ремешок ему, по всей видимости, на этот праздник так и не подарят. Но ему и так уже было довольно подарков. К тому же, уже надо было спешить!.. Он заторопился к метро...

8

Был вечер. Замелькацкий лежал на диване... В соседней комнате скандалили мать, младшая сестра, ее муж. Он старался не обращать на эти крики внимания. В руках у него был детектив. После своего необычного завтрака по дороге к офису он зашел в книжный магазин. Это уже был не подарок, это он покупал себе сам по совету Бони. На уставленной книгами полке он выбрал карманного формата книжечку в глянцево поблескивавшей обложке: на ней была изображена женщина, зажавшая рукой рот – видимо, чтобы от ужаса тут же не закричать, – она слушала что-то, что говорил ей высокий пожилой человек в темном плаще. Еще изображены: какая-то темная улица, два луча, бьющих из автомобильных фар, крадущийся вдоль стены мрачного дома человек. «Пойдет!» – подумал тогда в магазине Замелькацкий. – «Как раз то, что нужно!»

Он перестал читать. Скандал за стеной разгорался все сильнее... Замелькацкий мысленно вернулся к прошедшему дню. Ариелла!.. Это странное имя принадлежало новой сотруднице. Она пригласила его завтра в театр. Он согласился. Приглашение произошло как-то очень дико и странно... Войдя в их комнату, он кинул взгляд на Смирнова – тот с обиженным видом сидел за компьютером и не отрываясь смотрел в монитор. Голову к Замелькацкому так и не повернул... Скинув куртку, еще даже не подойдя к своему столу, Замелькацкий попытался развеять холодность. Вспомнив, что Смирнов утром говорил: страна вымирает и брать на работу совершенно некого, произнес «Значит, говоришь, понабрали черти кого!.. Говоришь, новенькая – тихий ужас... Приехала из дыры покорять столицу!..» В ту же секунду, – Замелькацкий даже отпрянул и едва не вскрикнул, с полу, прежде скрытая от него его столом и компьютером, поднялась девица – та самая новенькая. Распрямившись, она совершенно бесстрастно проговорила «Такие слова могут кое-кого и обидеть...» и вышла из комнаты. Как оказалось, у нее не работал Интернет, розетка, на которую был заведен ее компьютер, находилась на плинтусе у стола Замелькацкого. «Мог бы не подставлять меня!» вскричал раздраженный Смирнов. Через некоторое время Ариелла вернулась и стала болтать со Смирновым. В разговоре стал участвовать Замелькацкий – ему хотелось сгладить неловкость. Ариелла говорила с ним нормально, словно ничего не произошло... В какой-то момент сказала: «Договорились сходить с подругой в театр. Купили два билета. А подруга заболела». Потом, неожиданно повернувшись к Замелькацкому, спросила: «Ты не сходишь со мной в театр?» Тот, поскольку до этого из всех сил старался продемонстрировать Ариелле дружелюбие, согласился. «Надеюсь, ты отдашь мне деньги за билет?!» – неожиданно резко проговорила она. «Отдам!» – ошалело ответил Замелькацкий. Ариелла опять выскочила из комнаты.

– С момента, как она появилась, она ни разу не улыбнулась... – сказал Смирнов негромко. – Интересно, она вообще хоть когда-нибудь улыбается?!.. Тебя спрашивал директор... Я сказал, не знаю, где ты... Ты же ничего не сказал... Очень разозлился, что тебя нет!..

– Ты что, не мог что-нибудь придумать?!.. Я тебя всегда выгораживаю... – раздраженно проговорил Замелькацкий.

– Я выгораживал: я сказал «может, он в туалет пошел». Только он разозлился еще больше!

...Замелькацкий поднялся с дивана. Крики за стеной были слишком громкими. Не говоря никому ни слова, он оделся и вышел из квартиры. Пакет с купленной сегодня днем коробочкой, которую еще не доставал, прихватил с собой. Так же как недочитанный детектив...

Он вышел на улицу и пошел к метро. Было холоднее, чем днем, но все же достаточно тепло. Улицы казались вымершими... Зачем он сегодня вернулся сюда, чтобы потом, поздним вечером отправиться-таки обратно? Туда, в новый старый дом, где, наверное уже беспокоится о нем бабка?.. И купленная утром туалетная вода... Так и не раскрыл коробочку!.. Когда он

вошел в квартиру, скандал еще не начался, но обстановка была напряженной. Он молча поужинал – никто ни о чем не спрашивал его. После ужина, поскольку всю дорогу с работы читал, опять взялся за детектив – таинственная история из романа так увлекла его!..

Ладно, черт с ним со всем!.. Он вновь принялся думать о Боне, хорошее настроение постепенно возвращалось, с интересом смотрел по сторонам – по мере приближения к метро народа на улицах становилось больше и больше...

Вагон – почти пустой, – уже было поздно... Он сел. Напротив него спал пьяный, уткнув лицо себе в колени, – молодой парень, черные джинсы перемазаны в какой-то извести... Замелькацкий достал было книжку и принялся читать, но потом закрыл ее и убрал обратно в пакет – не читалось... Посмотрел на пьяного: тот по-прежнему держал лицо в коленях. Замелькацкий вспомнил историю про бомжа с лицом, обезображенным болезнью. В голове промелькнула странная мысль: некто с обезображенным лицом мог бы путешествовать вот так же, как этот пьяный – спрятав лицо в коленях. Что-то там будет завтра в театре? Интересно!.. Он даже не спросил ее, в какой театр они пойдут и на какой спектакль. А может, она передумает? Можно ли вообще воспринимать все, что она говорит, всерьез?.. И чего он так испугался того, что обидел ее? Ну обидел и обидел!.. В конце-концов, она тоже явно не стремилась произвести на него хорошее впечатление. Может, она через пару недель вообще уволится! На ее месте сменилось столько сотрудников!.. Текучка в той фирме, в которой работал Замелькацкий, была ужасной...

Он подходил к своему старому дому. Настроение у него было хорошее: он вновь и вновь переживал сегодняшний завтрак в ресторанчике на центральной улице, встречу с Боней... И потом, в пакете у него был подарок – сейчас он наконец рассмотрит его, изведает этот конечно же незнакомый, совершенно загадочный для него запах! У него не было никаких предположений – какой он? Наверняка, какой-то необыкновенный!.. После подарка, он опять примется за детектив... Но все же что-то мешало ему расслабиться – какое-то смутное беспокойство, какая-то неясная тревога исподволь то и дело охватывала его. Что это могло значить?! Ему хотелось расслабиться, но совершенно расслабиться не получалось. Он был уже в подъезде и решил пойти по лестнице пешком – благо ему было всего-то на третий этаж!.. Это все этот старый дом – его новое место жительства!.. Он с тревогой смотрел на исписанные грязные стены, изрезанные ножом деревянные поручни перил. Темная лестница походила на какое-то подземелье старинного замка... А может, это завтрашний поход в театр? Из-за него он беспокоится?.. Нет, не в этом причина! В конце-концов он может не ходить никуда с этой кикиморой. Она ведет себя странно и как-то непредсказуемо, значит и ему позволено согласившись потом неожиданно отказаться. Не в театре дело... Что-то происходило вокруг, что-то изменилось в этом городе. Он вспомнил вчерашнее пробуждение, дикую мысль про летаргический сон. Он вставил ключ в замок...

– Эй... – тихо раздалось позади него.

Он вздрогнул. Первой мыслью было ринуться в квартиру, но он все же обернулся... Чуть поодаль у поставленной на перила пустой консервной банки-пепельницы стоял человек, одетый по-домашнему в потертые мятые брюки и старенький свитер. Он курил.

«Писатель!» – сразу догадался Замелькацкий. Когда он только переехал, бабка рассказывала: в соседней квартире живет писатель, который часто выходит на лестницу курить.

– Очень приятно, очень приятно!.. – проговорил писатель.

С некоторой неприязнью Замелькацкий подумал, что этот человек, скорее всего, несколько не в себе.

– Насколько я понимаю, вы внук бабушки, мой новый сосед? – спросил куливший.

– Да, – так и не открыв замок, Замелькацкий вынул ключ и окончательно повернулся.

– Очень, очень приятно... Что ж, буду теперь знать вас в лицо. Извините, я кажется вас испугал...

– Нет! – с вызовом произнес Замелькацкий.

– А что вы с таким вызовом?.. Хотя, понимаю... Молодость! Сам был таким когда-то. Вам неприятно, что кто-то может подумать, что может испугать вас...

– Почему? Нет!.. – все было именно так, как говорил писатель, поэтому Замелькацкий смутился.

Он сделал шаг в сторону неожиданного собеседника, опять-таки понимая, что лучше бы этого не делать.

– Вот что, я предлагаю вам такое странное условие: давайте договоримся, что, к примеру, завтра при встрече, мы будем считать, что этого разговора не было...

– При какой встрече?

– Я говорю к примеру... Неважно, завтра, после завтра, через месяц, давайте условимся, чтобы мы не сказали друг-другу сегодня, мы никогда потом друг-другу не покажем, что это было сказано и мы помним об этом.

– Что сказано?.. – Замелькацкий чувствовал, что лицо у него теперь совершенно глупое.

– Что бы ни было сказано...

– А что должно быть сказано?..

– Да ничего... Вы принимаете мое условие?

– Да...

– Отлично. Знаете, между мало знакомыми людьми всегда существует такая холодность, осторожность: они боятся раскрыться друг-другу... Скажешь чего-нибудь лишнее не подумав, а потом будешь об этом жалеть. А мы с вами сразу договариваемся: чего бы лишнего мы друг-другу не сказали, жалеть не о чем, поскольку и всего разговора как будто не было...

На этот раз Замелькацкий не стал спрашивать «Чего лишнего?», он молча смотрел на собеседника. Тот тоже пытливо вглядывался в него.

– Вы цветущий молодой человек, у вас прекрасное настроение, вы вернулись со свидания...

– Шерлока Холмса из вас бы не получилось! – опять, помимо своей воли, с вызовом произнес Замелькацкий. – Хотя настроение у меня, действительно, прекрасное...

– А чему вы радуетесь?!.. Хотя, извините... В вашем возрасте радуются не «чему», а «потому что»! Потому что молоды, потому что солнышко светит, оттепель, весна, все впереди... И неважно, что впереди ничего нет!..

– Почему вы так уверены?

– Уверен, – спокойно произнес писатель. – Вас ничего впереди не ждет. Вы – представитель умирающего общества, гибнущего народа и от меня вас отличает лишь то, что мне уже почти ничего не надо и, следовательно, мучения мои будут сглажены, приглушены... А вот вам предстоит еще помучиться на полную катушку!..

– Хм!.. Забавная у вас точка зрения! – хмыкнул Замелькацкий. – От чего же это мне предстоит помучиться?.. Хотелось бы заранее знать. Может, смогу изменить что-то...

– То-то и оно, дорогой мой, что изменить вы уже ничего не сможете. Потому что от вас ничего не зависит. Ведь дело-то, в сущности, не в вас...

– А в ком же?

– В обществе! Я же сказал вам, в обществе!..

– А если мне на него наплевать?!..

Писатель неприятным, каркающим смехом рассмеялся.

– Я очень доволен вашим ответом! – проговорил он затем. – Он полностью подтверждает все мои рассуждения.

Он затушил сигарету о край банки, бросил ее на дно и поставил банку на широкие перила:

– Видите ли... Как бы вам объяснить подходчивее... Представьте себе большой корабль со множеством народа на борту. Он плывет посреди бескрайнего океана под хмурым грозо-

вым небом. Корабль старый и с трудом держится на плаву. В трюме кое-где уже появились течи, которые под действием волн могут стать еще больше. А уже появились первые признаки шторма. Но вот странное дело: никто из плывущих на корабле и не думает о спасении... То есть о спасении-то конечно думает, но только о своем собственном, а не всего корабля. Капитан думает: «Ну я-то в случае чего не пропаду! Я же морской волк, чемпион по плаванию!» Матросы думают: «Нам так мало заплатили за этот рейс, что какого черта еще бегать и за такие деньги залатывать дыры в днище!» Пассажиры первого класса надеются, что в случае каких-нибудь проблем с кораблем они всегда смогут вызвать по рации вертолет, пусть это и влетит им в прямом смысле в копеечку и покинуть тонущее судно. Те, кто путешествуют в дешевых каютах у самого днища хоть и чувствуют сырость и видят прибывающую воду, рассуждают примерно так: «Раз на судне есть капитан и команда, которым за этот рейс платят деньги, то черта с два мы станем тут бесплатно заниматься пробоинами и водой, пусть они сами со всем этим разбираются!» Вот это вам – примерный портрет нашего общества.

– Ну хорошо! Но ведь есть же кто-то, кому на все не наплевать!..

– Разумеется, допустим это даже вы! Хотя вы-то как раз только что сказали, что вам плевать на общество. Но допустим, вы изменили свои взгляды и вы решили спастись сами и спасти всех!.. В одиночку спасти такой большой корабль вы, разумеется, не сможете – он слишком огромен, щелей, сквозь которые поступает вода слишком много, даже если бы капитан и команда выполняли свои обязанности так, как нужно, их усилий было бы уже недостаточно. Нужны совместные действия всех, кто плывет на корабле... И вы начинаете агитировать, вы начинаете стучаться во все каюты... Но тщетно!.. Во-первых, никто просто не хочет с вами говорить: в помещения для команды вас не пускают, потому что вы все же простой пассажир, в первый класс вы не вхожи, поскольку билет у вас более дешевой категории, те, кто путешествует у трюма – грубы и не хотят вас слушать. Они обзывают вас идиотом!.. В лучшем случае они готовы вместе с вами покриковать капитана и матросов, но чтобы самим браться за работу – нет. Тут вы от них должны отстать!.. Что ж, может быть вы найдете какое-то количество единомышленников, но их будет так мало... Это не изменит ситуации!..

– Но я ведь тоже могу найти свой способ спастись!.. Что ж, по вашему я плыву в самом дешевом классе и мне недоступен платный вертолет. Пусть так, хотя непонятно, почему вы так в этом уверены. Но я ведь тоже могу плавать, как капитан, я ведь могу соорудить какую-то лодку...

– Я так сразу и понял, что вы – вместе со всеми. Вы никогда не станете стучать в закрытые двери кают и призывать кого-то к чему-то... Вон у вас в карманчике – книжка в яркой обложке... Судя по названию – какой-то детектив... – глаза писателя словно заволокла какая-то дымка.

Выходя на своей станции из вагона, Замелькацкий, действительно сунул свой детективчик не в пакет, а в карман куртки. Теперь край яркой обложки с названием торчал оттуда. Он невольно схватился за него:

– Так и что с того?! При чем здесь мой детектив?!.. Вы – писатель?..

– В ваших устах это звучит как ругательство. Да, я член Союза писателей... Но уже больше десяти лет не издаюсь. Ведь я не пишу детективов... А на другую литературу сейчас спроса нет...

– На что же вы живете?!

– Вам, неверное, ваша бабушка уже сообщила, что в этом доме у меня не отдельная квартира, как у вас, а всего лишь комната в коммуналке... Поэтому, кстати, мне приходится курить на лестнице. Соседи очень вредные... Но у меня есть еще отдельная квартира... Получше, чем эта комната. В другом районе. Квартиру я сдаю. На эти деньги и живу!..

– Вы могли бы сдавать комнату!..

– Мог бы... Но за квартиру больше выручишь. Сейчас цены на аренду стоят высоко. А раньше денег от сдачи комнаты мне бы не хватало... И потом, при всей их вредности, у меня – приличные соседи. Не в этом суть. Про детективчик я сказал, потому что их обычно читают люди, более склонные к бездумному развлечению, чем к чтению глубокой литературы... Люди простые, незатейливые, как все... Вы – вместе со всеми. Вы – один из всех, один из многих...

– А вы, значит, не один из многих!.. Сидите, нигде не работаете, не издаетесь!..

– Подождите, причем здесь я?!

– А я здесь причем?! – раздраженно воскликнул Замелькацкий.

– Я пытаюсь доказать вам, что впереди у вас нет ничего хорошего...

– А у вас, значит, есть?!..

– У меня тоже нет. Но разница между мной и вами та, что я уже смирился с ужасным, а вы еще на что-то надеетесь...

– Конечно!.. Не вижу никакой причины расставаться с надеждами!..

– С этого корабля не спастись никому... До берега слишком далеко. И никакие вертолеты за богатыми пассажирами не прилетят. И капитан, будь он хоть трижды чемпион по плаванию, не спасется, потому что спастись можно только вместе с кораблем, но корабль уже словно бы ничей, усилий тех немногих энтузиастов, которые еще что-то делают – недостаточно. Вы, как бы вы не умели плавать и какую бы лодку для себя одного ни строили, никогда не доплывете до берега, – в огромном океане выжить можно только на большом корабле. Но с такой командой и такими пассажирами корабль – обречен. Кто в трюме, кто в своей капитанской рубке, кто в своей шикарной каюте – каждый думает только о своем индивидуальном спасении и ненавидит всех остальных... Постучите к ним в двери: вы увидите злые, полные ненависти глаза, поймете, насколько каждый из них себе на уме. А впереди у всех – только ужас тонущего судна, бескрайний океан и медленная смерть в обнимку с обломками... Одна на всех!.. И ни один из хитрецов не спасется!.. Вот вы, небось, работаете в какой-нибудь фирме, зарабатываете неплохо, думаете, хорошо устроились!.. А на самом-то деле со всей своей молодостью и всей своей работой вы точно также как и я сидите в этом старом обветшалом доме, карабкаетесь по тем же самым темным лестницам, смотрите в окно на тот же самый угрюмый парк!.. Поймите, все бессмысленно!.. У вас нет никакой перспективы, вы – жалкий наемный служащий и никогда не будете никем другим, потому что в этом городе можно добиться чего-то только отчаянно рискуя свободой, но это не для вас, или будучи чьим-нибудь родственником, но вы – всего лишь внучек вашей скромной бабушки. Чего вы можете добиться?.. Съездите на какой-нибудь третьеразрядный курорт?! Купите дешевый автомобильчик?!.. Новую тумбочку в прихожую?!.. Да на фига?!.. Молодой человек, об этом ли вы мечтали?!.. Да и купите ли – еще не факт!.. Даже если вы что-нибудь скопите, ваши деньги – это всего лишь фантики, завтра влиятельные дяди в своих интересах спровоцируют очередной кризис и все ваши жалкие накопления превратятся в ворох бумаги, который вам, впрочем, так и не выдадут в банковской кассе!.. Поверьте, молодой человек, я не хочу вас обидеть. Я хочу вас предупредить. С этого корабля не спасется ни одна, даже самая хитрая крыса!.. Отвлекитесь ненадолго от вашего детективчика, раскройте пошире глаза и внимательно посмотрите вокруг. Вы поймете: я прав!.. – писатель пошел к своей двери.

– Ну хорошо, тогда тем более надо получать удовольствие!.. – бросил ему вслед Замелькацкий. – Помирать, так уж с музыкой!.. Если все у меня так плохо и ничего впереди нет, так я хоть детективчик почитаю!.. Все – какое-нибудь, а развлечение!..

– Смейтесь, смейтесь!.. Можете считать, что я вам ничего не говорил. Мы, собственно, так с самого начала и договорились, – писатель открыл дверь.

– Ну хорошо, а вы-то?! Вы-то что собираетесь делать?.. Молча пойдете вместе со всеми ко дну?..

Писатель задержался на пороге:

– Нет... Я собираюсь наслаждаться. Я ведь тоже, по нынешним временам – из тех, кто путешествует поближе к трюму. А мы – представители социальных низов – чрезвычайно злобный и мстительный народ. Знаете, как приятно будет наблюдать за капитаном, когда он со всем своим мастерским плаванием начнет захлебываться и пускать пузыри!.. А какие рожи будут у пассажиров шикарных кают, когда до них, наконец, допрет, что вертолеты-то за ними ниоткуда не прилетят?!..

Замелькацкий засмеялся.

– Даже представить такое – уже весело! Это будет спектакль, гораздо увлекательнее вашего детективчика. Да что там пассажиры шикарных кают!.. Я вот на вас – соседа по дешевой каюте посмотрю: то-то у вас физиономия будет, когда вы наконец всерьез поймете, что я прав и не спасется ни одна крыса!..

Писатель захлопнул дверь.

– Псих... – пробормотал Замелькацкий и, наконец, отворил свою...

У двери стояла бабка.

– Я ничего не разобрала, о чем вы говорили?..

– Он, ба, рассказывал мне содержание своей новой книги.

– А-а... Книги... Понятно!.. Я хотела тебе сказать... Господи, как мы будем жить?!.. Квартира-то опять подорожала!.. И электроэнергия, и телефон!.. Тёма! Ты теперь хозяин! Тебе и платить!.. Я, как могла, платила, но дальше я не в состоянии... Мое дело теперь все – помереть и в гроб!.. А как вы, молодые, будете жить, я даже не представляю!.. Тема, я отдам тебе квиточки!..

– Ты что, для этого подслушивала под дверь?..

– Нет, я что-то не поняла, ты отказываешься платить?!..

– Успокойся, тебе платить не придется!..

Он переобулся в тапочки, повесил куртку на вешалку и прошел к себе в комнату. Он чувствовал, что настроение его кардинально изменилось.

«Ну Боня-то, конечно, надеется, что за ним прилетит вертолет...» – отчего-то подумал Замелькацкий, протянув руку к выключателю. Но неожиданно он передумал и не зажигая света, подошел к окну... И парк и река и кварталы на другом берегу реки – все было как вчера, когда он проснулся после своего «летаргического» сна. Вот он: корабль, с которого не спасется ни одна крыса!.. Все это ерунда!.. Да и почему корабль обязательно должен утонуть?!.. Самого главного писателя почему-то не сказал!.. Замелькацкий уже было отвернулся от окна, но потом вдруг задержался: он вновь посмотрел на парк... Ну зачем он стал разговаривать с этим козлом?!.. Чужой, незнакомый город был перед ним... Опять его начала охватывать вчерашняя необъяснимая тоска. Он попытался представить себе дальнюю оживленную улицу: рестораны, магазины, кафе. Там много нарядных людей, они ужинают, выпивают, о чем-то весело болтают друг с другом, подъезжают на шикарных машинах к дорогим магазинам... А будет ли у него когда-нибудь такая машина?!.. Тьфу ты, этот козел, похоже основательно подпортил ему вечер!.. Да, там много нарядных людей, красивые женщины, уверенные в себе, хорошо одетые мужчины. Он будет один из них... Да когда, черт возьми?!.. Да он уже один из них!.. Почему же он тогда здесь, перед окном, а не там, в ресторане или в шикарной машине?!.. Потому что он не удачливый преступник и у него нет богатого и влиятельного родственника, который продвинет его по жизни?! Там, всего-то в нескольких метрах от него, за стенкой, в комнате коммуналки, вполне возможно стоит точно так же как и он и смотрит на тот же парк этот козел и думает про шикарную улицу: про те же, что и он, Замелькацкий рестораны, шикарные машины, витрины дорогих магазинов, про нарядных женщин и мужчин... И значит, козел, прав: ничем он, Замелькацкий, от него не отличается!.. Ну уж нет!.. Все это – ерунда!.. Бредовые, неверные рассуждения. Он наконец-то зажег в комнате свет. Давящая тоска тут же точно бы отшатнулась от него...

Что сказал ему Боня? Устраивать себе приятные мгновения!.. Свет люстры показался ему слишком ярким. Он погасил его и включил маленький ночничок под матовым абажуром. Достал из пакета коробочку...

Вдруг у него в кармане задергался, задрожал, заиграл мобильный телефон, он выхватил его...

– Артем, добрый вечер, это Ариелла... Не удивляйся, твой мобильный дал мне Смирнов. Артем...

Она сделала паузу. Замелькацкий молчал.

– ...У меня к тебе очень важный разговор.

– Да...

– Артем, ты пойдешь со мной завтра в театр?

– Мы же договорились!

– Ну тогда не говори, что ты передумал. Теперь я на тебя рассчитываю. Не вздумай отказываться. Ты очень меня подведешь и потом сам же об этом пожалеешь... Так ты завтра не откажешься?..

– Да нет...

– Чао, беби!..

В трубке раздались короткие гудки. Замелькацкий схлопнул телефон.

Не успел он засунуть его в карман, – тот заиграл вновь...

– Артем, что с тобой сегодня было?.. – это была опять Ариелла. – Надеюсь, это завтра с тобой не повторится?!..

– Послушай, ты что, так и будешь названивать мне теперь каждую минуту?!..

– Хамишь! – она повесила трубку.

Он вскочил из-за стола и в волнении подошел к окну: ядрена вошь! Понабрали черти кого!.. Зачем он огласился пойти с ней в театр?! Теперь от нее не отвяжешься!.. С таким он еще не сталкивался!.. В волнении он отключил телефон. Посмотрел в окно: на оживленной дальней улице горели огни реклам, мелькали фары проезжавших автомобилей. Все хорошо!.. Все хорошо!..

Он враз успокоился: сейчас он рассмотрит коробочку, а потом почитает детективчик. И ляжет спать!.. Спатечки!.. В конце концов: ну сходит он с чертовой куклой в театр!.. Ну и что?!.. Не детей же ему с ней там крестить!.. Сходит, и все! А потом она скорей всего сама куда-нибудь денется – уволится, пропадет и – поминай как звали!..

В этот момент он уже усиленно старался не думать об одном очень важном в эти два дня пункте...

Что она могла иметь ввиду?.. Она-то что и откуда может знать?!.. Да пошли они все!.. Крысы, обреченный корабль, писатель, Ариелла... Боня! Где-то ты сейчас, Боня! Возьми меня на свой вертолет!.. Я не верю, что ты можешь быть обречен. А раз ты все же спасешься, значит есть шанс и у меня!

Он принялся распечатывать коробочку бордового цвета. Едва он сорвал целлофан, до ноздрей донесся терпкий запах.

9

Он проснулся в хорошем настроении... Позавтракал, съев бабкину манную кашу. Встал заранее, времени было полно: умылся, побрился, оделся, тщательно завязал галстук. В театр – в том же костюме, как ходил каждый день. Галстук выбрал самый нарядный, самый новый, дорогой. Надушился из вчерашнего флакона.

Вот он уже на пути к метро. Первые минут пять-семь шел в совершеннейшей безмятежности. Утро было приятным, солнечным: весна!.. Глядя по сторонам, подмечал, что приметы угрюмой зимы стремительно исчезают. Еще немного и улицы, пожалуй, станут сухими и чистыми!.. С приятными мыслями и видя кругом приятные картины одолел больше, чем полдороги до метро. Здесь уже вместе с ним по улице шагало много народу. Ему приходилось обгонять, лавировать между прохожими. Он перенапрягся, обгоняя одну тетку – навстречу им по узкой дорожке ехал автомобиль, ему нужно было успеть проскочить – все вместе они бы не разминулись. Он сделал через лужи несколько ловких, чудовищных по величине прыжков, – в лужах плавали талые комья, – удачно выскочил на сухой участок и тут с ужасом понял, что все начинается. Опять!.. Он перестал идти своим ускоренным утренним шагом, – по утрам он временами неся так быстро, что зашагать быстрее уже нельзя было в принципе, – только побежать. Он замедлился, и вслед за этим ему несколько раз наступили на задники ботинок – все вокруг неслись, как угорелые, все опаздывали... Во всяком случае большинство!..

Но оно начиналось... Легкий позыв, едва обозначившаяся только что атака повторились. Теперь знак был отчетлив. Но пока напор еще не был таким сильным, он не свидетельствовал о об окончательном приговоре, а был из серии тех, что подразумевают, что все еще может как-то само собой прекратиться, улетучится...

Он миновал еще какое-то расстояние. Он шел медленнее, чем в начале пути, но шел... Вот он влился вместе с одним из ручейков в толпу. Все, словно нарочно, давило на него. Словно эта неприятная давка должна была дать ему почувствовать, что еще немного и хода назад не будет. Он почувствовал новую атаку, опять несильную, но какую-то очень угрожающую, с намеком на ближайшее будущее... Нет, в этом, конечно, никакая вода и пирожок не виноваты!.. Это чистые нервы!

Он чувствовал, что ему надо отвлечься, переключиться с этих отчаянных ощущений. Иначе еще минута и будет поздно – они овладеют им полностью! Вход в метро был уже виден, надо было срочно что-то решать, что-то делать. Но не возвращаться же третий день подряд обратно домой!.. Вчера он встретил Боню, а потом купил себе замечательный подарок!.. Вот так: думать только о приятном, о том, о чем только и имеет смысл в жизни думать.

Он чувствовал, что спасение от наступавшей беды реально, что ему удастся выиграть бой, что признаки ужасного отступают – конечно, они быстро отступят, только так и может быть, когда для ужасных признаков нет никаких реальных причин. Теперь все ясно: конечно же ни пирожок, ни новая вода на новом месте жительства не при чем!.. Коробочка... Да, все прекрасно! Боня! Вот и вход в метро, толкотня со всех сторон стала ужасной!.. Ничего не случится!.. Боня, отличное настроение!.. Он благоухает новой туалетной водой. Он прошел в вестибюль станции. Ужас, действительно, начал отступать, как-то потерялся, стал несущественным под действием Бони... Замелькацкий представил столь приятное ему лицо Бони и словно бы крикнул ему, воображаемому (разумеется, выкрикнул про себя):

– Эй, Боня, привет! Вот он я, иду на работу! У меня все отлично! А ты-то что там делаешь?

– Старичок, я совсем не удивлен тем, что у тебя все отлично!.. Ты нормально доберешься до работы – я в этом абсолютно уверен. Понимаешь, старичок, то, что с тобой было вчера и то, что пытается начинаться сегодня – не имеет материальных, вещественных причин, – говорил

Боня в своей фирменной самоуверенной манере. – Это лишь нервы, болезненная игра твоей неустойчивой нервной системы!

Замелькацкому тут же стало хуже... В этот момент он уже миновал турникеты и входил на эскалатор. Что-то, какие-то коловращения внутри него стали стремительно прогрессировать. Все движения Замелькацкого вмиг опять стали деревянными, неловкими, он не двигался вместе с людьми из толпы, а создавал всем преграду, опять ему сзади стали наступать на пятки, раз – с такой силой, что чуть не оторвали каблук...

Но окружающего мира для него уже словно бы не существовало...

– Эх, Боня! – судорожно обратился он к нему. – Лучше бы ты не говорил про болезненную игру моей неустойчивой нервной системы!.. Из-за твоих слов мне стало хуже!.. Пойми, старичок, – он невольно перенимал у любимого Бони тон и выражения. – Самовнушение – очень тонкая вещь. Тут надо знать, что и как говорить, а о чем не упоминать ни в коем случае. Ты упомянул болезненную игру неустойчивой нервной системы...

Едва опять прошло про «болезненную игру нервной системы», тотчас стало хуже.

Он чувствовал, что все не то говорит Боне. Он сам себя еще больше погружает в пучину... Он был уже готов окончательно свалиться в панику и спустившись по эскалатору, тут же и вскочить на него, только в противоположном направлении и опять, как вчера, побежать домой. Но это был бы конец!.. Каждый день так бегать?!

Он втиснулся на эскалаторе между двумя какими-то мужиками (до этого, мешая всем, он стоял с левой стороны, где по эскалатору пешком проходили спешившие). «Игра нервов... А в моем подсознании сразу мелькает мыслишка, что бороться с этим невозможно, что это внутри меня... – стремительно, помимо воли подумалось ему. – Пирожок я могу не есть – и все пройдет, а нервы контролировать очень трудно. Это почти невозможно!..»

Коловращение усилилось, пошла атака, несильная еще пока... Он изо всех сил старался свернуть ход мыслей в другую сторону. Вон он, спуск с эскалатора! И надо выбрать: в поезд или обратно наружу!..

– Давай лучше про другое: ты подарил мне чудесную туалетную воду!.. Эх, Боня, какую прелесть ты мне подарил!.. Я вчера открыл коробочку...

Ему стало легче. Ужас отступил. Эге! Да теперь он знает, чем его душишь!.. Надо напирать именно на это!..

– Да, Боня, подарок твой поистине великолепен!.. – судорожно разговаривал он с Боней. – Впрочем, я как-то с самого начала был уверен, что именно таким он и окажется!..

Стоявший сверху мужик упирался своей сумкой в спину Замелькацкому, но несмотря на это тот почти уже ликовал. Все могло поменяться в любое мгновение, но пока, – тьфу, тьфу, тьфу, – все пошло в сторону облегчения.

Он сошел с эскалатора.

– Все отлично, Боня! Какой замечательный подарок ты мне преподнес!.. Этот запах... Что в нем?.. Ты спрашиваешь, каков он?..

Он начал объяснять, достаточно сбивчиво, но с энтузиазмом, воображаемому Боне, каков запах его новой, подаренной им туалетной воды. Чем дольше длился этот разговор с Боней, тем уверенней он себя чувствовал. Он уже без особого страха перед будущим втиснулся в подъехавший поезд, проехал несколько остановок...

Но изо всех сил он старался не допустить одного самого опасного: чтобы кто-нибудь в их разговоре упомянул про игру нервов, чтобы где-то хотя бы в какой-нибудь задней мысли это промелькнуло!..

Атаки стихли и больше не повторялись.

Чем больше станций без атак он проезжал, тем сильнее становилась его уверенность. Поезд, на его удачу, бежал очень ходко. В какой-то момент ситуация перевалила через свой экватор и он понял, что почти наверняка уже победил: атаки не возобновятся... Разговор его

с Боней постепенно сошел на нет. Постепенно мысли его отвлеклись от злополучной темы, он начал думать о чем-то другом: о бабке, о продажах, о новой квартире... Он добрался до работы.

Он влетел в их комнату. Смирнов уже сидел за компьютером, Ариеллы не было.

– А что, стиральный порошок еще не пришел? – воскликнул Замелькацкий, радостно улыбаясь.

И в эту же секунду с пола, как и накануне, опять почему-то из-за его стола (впрочем, он теперь знал, почему) поднялась Ариелла.

– Стиральный порошок называется «Ариель», а меня зовут Ариелла! – проговорила она, с ненавистью глядя на Замелькацкого и стремительно вышла из комнаты.

– Идиот! – проговорил Смирнов и выскочил вслед за ней.

«Какого черта она все время сидит у меня под столом! Что за идиотская баба!» Он снял куртку, повесил ее на вешалку, сел за компьютер... Теперь он заметил, что розетка у стены была раскручена, возле нее валялась отвертка, куски проводков, нож для резки картона. Он принялся доделывать то, что начала «идиотская баба».

Потом она вошла в комнату и сразу направилась к его столу... Движения ее стали мягкими. Она, как всегда, не улыбалась и глаза смотрели как-то странно-равнодушно, но голос был бархатным:

– Я понимаю... Мы, провинциалы, должны казаться тебе, жителю столицы, нелепыми. Но я же не виновата, что у нас в провинции любят давать детям такие звучные имена совершенно не сообразуясь со вкусом и чувством меры!.. Между прочим, мой папа был против. Он хотел назвать меня просто Таней. Между ним и мамой по поводу моего имени разгорелся целый скандал. Не знаю, как моей маме пришло в голову это «Ариелла», но папа согласился. Но я же не виновата!..

– Я тебе наладил Интернет ...

– Спасибо.

– Слушай, ты меня извини, все по-дурацки получается!.. Нормальное имя, мне очень нравится.

– Я рада... – проговорила она и отошла от стола.

Дверь неожиданно резко раскрылась и в комнату влетел Смирнов:

– Воркуете, голубки!..

– Смирнов, ты полный дурак! – совершенно бесстрастно, громко и глядя куда-то в сторону отчеканила Ариелла.

Замелькацкий уткнулся в экран монитора, но по воцарившейся тишине и напряжению, повисшему в воздухе, понял: товарищ опешил и не знает, как теперь себя повести.

– Ты ведь Смирнов тоже коренной москвич. И мне кажется такой культурный и продвинутый человек как ты не должен обладать предрассудками. Если современная девушка сама приглашает молодого человека в театр, то это значит только то, что она хочет побывать в этом театре на спектакле и ей не хочется терять деньги, уплаченные за ненужный билет. Один билет перед спектаклем никто не купит. А терять триста рублей... Не такая я лохушка!.. И какая мне разница, кого пригласить с собой. Я бы пригласила тебя, Смирнов, но с самого начала знала, что ты неправильно меня поймешь. Возмнишь, что мне нравится твоя постная глупая рожа! Вот Артем все понимает правильно. Так ведь, Артем?

– Да-а... – промычал Замелькацкий, делая вид, что увлечен работой и не очень прислушивается к разговору.

«Какого черта я согласился пойти с ней в театр?!»

– Вот видишь, Артем все понимает... Поэтому он сегодня пойдет со мной в театр!..

Смирнов опять вскочил и вышел из комнаты.

Секунд через тридцать он приоткрыл дверь и позвал:

– Артем, можно тебя на секундочку!..

Замелькацкий дернулся было, но решил, что лучше ему не ввязываться ни в какие склоки.

– Слушай, мне некогда... – тоном очень занятого человека отделался он.

– Вот видишь, Смирнов, Артем во всем со мной согласен, – тут же ровным, бесстрастным голосом проговорила Ариелла.

– Робот! – выкрикнул ей Смирнов и закрыл дверь.

Минут через пятнадцать-двадцать он вернулся в комнату и ни на кого ни глядя, уселся за свой стол и принялся работать... Замелькацкий исподтишка рассматривал Ариеллу. Он находил ее красивой. Чем больше он наблюдал за ней, тем сильнее убеждался, что более удачного и подходящего имени для нее, чем Ариелла, придумать было невозможно – она совершенно не походила на типичную провинциалку, какими их представляют себе надменные жители столицы. А вот инопланетянку в фантастическом фильме могла играть без всякого грима: главным образом из-за своих огромных глаз, взгляд которых был холоден и неподвижен... Да ее вполне можно было назвать красавицей, но он знал, почему не хотел идти с ней в театр – в ней было нечто отталкивавшее и даже пугавшее!

Ариелла начала обзванивать клиентов. Говорила она с ними ровным, металлическим голосом, хотя это было первое ее знакомство с заказчиками и она могла бы проявить немного больше тепла...

10

В промежутках между телефонными разговорами Ариеллы в комнате воцарялась гнетущая, напряженная тишина. Никто ни с кем не разговаривал. Смирнов время от времени бросал на Ариеллу и Артема короткие, злобные взгляды.

Неожиданно в комнату вошел Фадеев – в их компании он был директором по персоналу.

Фирма, в которой работал Замелькацкий, была относительно небольшой – всего в ней работало около пятидесяти человек. Это включая всех – инженеров, программистов, водителей, уборщиц. Все, кто хоть каким-то образом был связан с работой с клиентами имели должности не ниже заместителя директора департамента (департаменты как правило представляли из себя небольшие группки из трех-четырёх человек, сидевших в одной комнате). Комната, в которой работал Замелькацкий была исключением – в ней сидели люди из разных департаментов... Любой маломальский начальник в фирме носил должность директора. Инициатива по присвоению как можно более громких титулов шла снизу – сотрудники убеждали директора, что иначе клиенты не захотят с ними разговаривать... Фадеев, директор по персоналу был в общем-то неплохим и в общем-то даже душевным парнем, с которым при случае, можно было откровенно поговорить о любых своих проблемах, рассчитывая на взаимопонимание, но был и у него свой пунтик: он никогда не восставал против воли директора – настоящего директора, хозяина компании Сергея Васильевича. Какие бы idiotские, зачастую очевидно противоречащие здравому смыслу указания ни давал директор в очередном припадке раздражительности, Фадеев тут же кидался яростно выполнять их, нисколько не стараясь смягчить последствия таких указаний для сотрудников. За это его все не любили. К тому же самые непопулярные решения директора он проводил в жизнь с одной стороны истово, а с другой стороны каждый мог при этом прочесть на его лице: «Я и сам понимаю, что распоряжение бредовое, но спорить с директором – себе дороже, а уж вы как хотите, так и выкручивайтесь!..» Недавно, например, он упорно требовал от всех сотрудников поставить подписи под обязательством в случае проведения в фирме проверки со стороны налоговиков или министерства внутренних дел, не разглашать информацию, способную принести вред фирме. На возражения, что такая расписка противоречит закону и здравому смыслу, Фадеев отвечал: «Не хотите, не подписывайте, но знайте – все, кто откажется подписать, будут уволены». Почти никто не подписал и дело как-то само собой рассосалось. Видимо, настроение у Васильича переменялось. Но многих до той поры угрозы Фадеева довели до крайнего отчаяния, а один человек даже взял и уволился...

– Ну как работается? – для затравки спросил Фадеев, войдя в комнату.

Замелькацкий очень удивился – Фадеев сам никогда по кабинетам не ходил, а если ему надо было с кем-то побеседовать, то важно приглашал к себе в Департамент персонала и то обязательно через свою помощницу. Мол, вас вызывает Директор по персоналу, зайдите!..

– Ничего... Нормально! – пробормотали они со Смирновым.

Ариелла к Фадееву даже не повернулась, словно он и не входил.

– Вот что... – приступил Фадеев к главному. – Больше со своих мест никуда не вставать, и без записи в журнал местных командировок никуда не отлучаться. И по коридору не разгуливать!.. Это распоряжение директора. Я просто довожу его до вашего сведения. Сейчас мы его оформим в виде документа и вывесим у входа на доске объявлений. Я же вас просто хочу предупредить: не думайте, что Васильич в очередной раз строжит. Кто не будет выполнять приказ – будет уволен. Поняли?!.. Лучше вообще со своих мест в течение рабочего дня не вставайте!..

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.